

Суррогатная мать

Автор:

[Сьюзен Спидлер](#)

Суррогатная мать

Сьюзен Спидлер

Рут Фернивал работает на телевидении, она отличный продюсер, у нее практически идеальная жизнь – прекрасный дом в Лондоне, муж-юрист, две взрослые дочери. Но ей 54 года, у нее климакс, дочери разъехались кто куда, и она чувствует себя опустошенной и недовольной жизнью. Ее старшая дочь, Лорен, никак не может выносить ребенка, и приговор врачей суров: единственный выход – найти суррогатную мать. Но оказывается, что после необходимого гормонального лечения суррогатной матерью может стать Рут.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Сьюзен Спидлер

Суррогатная мать

Susan Spindler

Surrogate

International Rights Management: Susanna Lea Associates

© Susan Spindler 2021

© А. Куприна, перевод на русский язык, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS

Часть первая

Предложение

1

Рут устраивала в Сохо вечеринку для актеров и съемочной группы сериала “Боль”, над которым она работала последние пять лет. Сначала камерный, подпольный кинозал, один из тех, что занимают помещения бывших конюшен, затем с дождливой улицы, вниз по узкой грязной лестнице – в ярко освещенный бар. Потайной, зато уютный. Повсюду смех, и джин льется рекой. В дамской комнате она накрасила губы и нарумянила щеки, набросила огненно-красный шарф, чтобы подчеркнуть темное пальто, и примерила теплую, понимающую улыбку хозяйки вечера. Ей нравились такие мероприятия. Ожидалось пятьдесят-шестьдесят гостей: актеры, монтажеры, техники – довольно неплохо для октябрьского дождливого вторника. Все собрались, чтобы отметить конец съемок и проводить сериал в непредсказуемый мир критиков и рейтингов. В такие вечера урезанный бюджет, переработки и громкие споры уходят в прошлое, и остается лишь рефлекторная близость между членами команды.

Рут общалась с гостями, обнималась, смеялась и сплетничала, пока не пришло время начинать показ. Она взошла на небольшую сцену, подняла бокал и выждала, пока толпа утихнет. Затем сказала собравшимся, что все они отлично

поработали: им удалось создать нечто потрясающее и актуальное.

- Сейчас мы посмотрим первую серию, но сначала давайте выпьем за “Боль”! За нас! Спасибо большое, я так вами горжусь!

Громкие аплодисменты, толпа устремилась в кинозал. В обрывках разговора Рут услышала свое имя:

- Я ее просто обожаю!.. Чувствуется, что тебя ценят, такое сейчас редко встретишь...

- И не говори...

Рут приятно удивилась, ей эти слова польстили. Она замедлила шаг и прислушалась.

- ...не лезет в работу режиссеров и сценаристов, реально борется за проекты и всегда рядом, если пахнет жареным... Обычно от руководителей лучше держаться подальше...

- ...да, идейная, но такая веселая! А эти ее истории – обхохочешься!..

- ...уже столько лет работает...

Голос притих, но она расслышала.

- Под пятьдесят, наверное.

- Да нет, больше... Мы когда-то снимали с ней первую серию “Несчастливого случая”, давно дело было...

- ...когда-то была само очарование: длинные волосы, а глаза – ну прямо итальяночка... даже сейчас фигура о-го-го, правда...

- ...годы никого не щадят, нам тоже достанется... Эх, повернуть бы время вспять...

– Да уж, но она ведь не в твоём вкусе?

Рут задрала подбородок и поспешила пройти мимо, проклиная себя за тщеславие. Она прекрасно понимала, о чем они говорили. Она помнила тот момент, когда впервые заметила перемену: четыре года назад в центре Лондона они с Лорен остановились купить кофе с тележки. Бариста, двое юношей лет двадцати пяти, окинули взглядом ее старшую дочь – фигуристую, в самом соку – и тут же принялись заигрывать. Рут хотела поддержать шутливую беседу, улыбалась и посмеивалась, но они не обращали на нее никакого внимания, будто ее и не было. За тридцать с лишним лет она привыкла к своей привлекательности, которая вдруг исчезла: и в Рут что-то угасло. В темно-каштановых волосах появились серебристые прожилки, и она стала делать хвост. Кожа потеряла эластичность и обвисла, как сырое тесто, обтягивая кости лица – ежемесячные гормональные всплески перестали ее омолаживать. Цветок навсегда увял. Не менопауза, а конец, финиш. Она это осознала, и осознание к ней пришло неожиданно.

Рут потрянула головой, отгоняя плохие мысли, и постаралась вернуть самообладание. В центре зала нашлось свободное место, рядом с Беллой – под пятьдесят, глубокое декольте, блондинка и все еще эффектная. Они вместе работали на Би-би-си, а шесть лет назад основали продюсерскую компанию “Морраб филмз”, небольшую, но достаточно известную тремя успешными сериалами.

Белла взяла Рут за руку и прошептала:

– Отличная речь, дорогая. Ты молодец. Как же долго мы к этому шли, да?

Началась вступительная заставка: заиграла музыка, маленькая девочка бежит по темному коридору, плача и спотыкаясь. В кадре появляется взрослый, видны только его руки. Он поднимает девочку, выводя ее из поля зрения: неизвестно, спасена ли она или в опасности. Приглушенные крики – и тишина. Потребовались недели монтажа, чтобы получилась конфетка: заставка цепляет, хочется узнать, что же будет дальше. “Боль” – это история о похищении и смене личностей, основанная на реальных событиях, которые потрясли Рут. Об этом было просто необходимо рассказать, но из-за череды юридических трудностей производство и выпуск затянулись, а Рут в душе начала переживать, что они упустят момент. В прошлом году серьезные, смелые драматические сериалы, подобные этому, пользовались большой популярностью у аудитории, но похоже,

что в этом году зрителей интересуют только фэнтези и эскапизм. Если бы “Боль” провалился, у компании были бы большие неприятности: они рассчитывали, что второму сезону дадут зеленый свет. Хотя возможно, что Рут просто принимала все эти проблемы близко к сердцу – полтора года работы по вечерам и в выходные давали о себе знать.

Она устроилась поудобнее в большом велюровом кресле и позволила себе немного помечтать о том, что было бы, если б она выбралась из этой бесконечной круговерти. У нее чудесная работа – безумная смесь из актерского мастерства, различных манипуляций, управления толпой и разрешения конфликтов – чудесная, только вот нервов не щадит. Каково это – бросить все и пожить для себя? Рут вздохнула. Если б только выплаты по ипотеке не зависели от ее дохода, и ей бы не пришлось пахать как проклятой в ближайшие три месяца, чтобы “Морраб филмз” осталась на плаву...

Рут не заметила, когда телефон в кармане завибрировал в первый раз. Второй звонок проигнорировала – и третий. Только ощутив короткую пульсацию смс, она прикрыла телефон ладонью и посмотрела на экран. Сообщение от Дэна:

Утром Лори потеряла

ребенка. Сделали срочную

операцию. Пожалуйста, приезжай.

Больница Лэдирилд, гинекология,

палата F

Резкая боль скрутила живот – Рут нагнулась вперед и обхватила его руками. Взяв ладонь и сумочку, она наклонилась к Белле и прошептала:

– У Лорен опять выкидыш, надо бежать.

– Конечно-конечно! – Белла сжала ее руку. – Передай ей мои соболезнования.

– Сможешь поблагодарить всех за меня в конце?

Белла кивнула.

Пока Рут, извиняясь, протискивалась к выходу, ее телефон снова завибрировал.

– Адам?.. Знаю, Дэн мне тоже написал... Да, просто ужасно. Четырнадцать с половиной недель, как же так... Нет, на метро быстрее. Встретимся там.

* * *

Шел проливной дождь, поезд все время останавливался, но Рут была рада оказаться среди незнакомцев, в залитом неоновым светом вагоне, где ей не нужно было ни с кем общаться. Как только она вышла на станцию, ветер вывернул зонт наизнанку, обнажив металлический каркас. По пути в больницу одежда промокла насквозь. Открывая двери гинекологического отделения, Рут вспомнила все мрачные паломничества в этот уголок Южного Лондона, которые им с Адамом пришлось совершить, чтобы оплакать смерть шести нерожденных внуков. Она зашла в туалет, отжала над раковиной мокрые волосы и посмотрела в зеркало: кроваво-красный шарф казался жестокой насмешкой – она сняла его и затолкала в сумочку.

Адам притаился в коридоре возле палаты. Он был на грани: в больницах ему всегда было не по себе.

– Ты чего так долго? Я тут уже полчаса сижу!

– Пробиралась к тебе через наводнение.

Рут обняла мужа, постучала в дверь и вошла в палату.

Перед ними предстала жуткая пародия на рождественский вертеп: их дочь и зять сидели на кровати, уткнувшись друг в друга. Лорен в бледно-голубом больничном халате, на правой ноге пятно засохшей крови. Дэн даже не снял пиджак и галстук. Увидев полосы оголенной кожи между штанинами и носками, Рут едва не заплакала.

– Можно войти? – спросила она.

Отвлеченные от горя, они удивленно подняли глаза – Рут увидела их влажные и опухшие щеки, – Дэн встал и аккуратно помог Лорен сесть. Она поежилась от холода, он укутал в плед ее тонкие плечи. От капельницы над головой к правой руке змеей вился катетер. Ее лицо – непроницаемое и ужасающе бледное. Она была похожа на брошенное дитя.

Рут присела на край кровати и обняла ее.

– Как же несправедливо! Ты не заслужила всей этой боли.

Рут хотела укачать дочь, чтобы все поскорее прошло, но Лорен сжалась и вырвалась из ее объятий.

– Мама, не надо, пожалуйста! – Она сглотнула. – Наверное, это просто не мое... – Ее лицо дрогнуло и тут же застыло снова.

Рут отстранилась, на нее нахлынули любовь и разочарование – чувства, которые так часто пробуждала в ней Лорен: даже сейчас, в такой тяжелой ситуации, она не поддавалась, не позволяла себя утешить. Она была такой с самого рождения – погруженной в себя и замкнутой девочкой, скрытным и недоверчивым подростком, – всегда отстраненная и недоступная. С появлением Дэна они еще больше отдалились друг от друга.

Адам хотел обнять Дэна и потянулся к нему, но передумал и просто пожал ему руку. Затем отошел в угол комнаты, встряхнул мокрое пальто и повесил его на крючок за дверь. Дэн придвинул к кровати два стула, и Адам с Рут сели.

Лорен рассказала, как, едва Дэн уехал на работу, на нее обрушились схватки. В такси началось кровотечение, она ехала и мечтала, чтобы боль утихла и все снова было в порядке. Как страшно ей было сидеть одной в приемной – матка сокращалась, кровь стекала по ногам и капала на линолеум. По лицу доктора во время осмотра она поняла, что все кончено. На этот раз кровотечение было гораздо сильнее: произошедшее можно с натяжкой назвать родами, она даже увидела плод. Размером с кулак, почти полностью оформленный: с головой, ручками, ножками и даже ресницами. “Я держала его вот так, – говорила она, вытянув сложенные лодочкой руки и видя перед собой воспоминания. – Мой

малыш”.

Адам подался вперед и обхватил лицо руками.

– Ох, доченька! – Рут почувствовала вину за то, что не испытывала трудностей при вынашивании и рождении детей, и кое-что еще – ноющую боль старой раны. – Как же я могла оставить тебя совсем одну? Я должна была быть рядом, я могла бы помочь!

– Напрасно ты думаешь, что смогла бы это предотвратить, – отрезала Лорен. – Никто бы не смог. Я просто сидела дома и рисовала. Мам, я не виновата!

– Ну конечно, не виновата, – ответила Рут.

– Наша ошибка в том, что мы понадеялись, – сказал Дэн так, будто их ребенка убил безрассудный оптимизм. – Акушерки утверждали, что выкидыш после тринадцатой недели маловероятен, и мы им поверили. А зря.

– Теперь говорят... – Голос Лорен дрогнул. – Скажи ты, – шепнула она Дэну.

– Хирург, который останавливал кровотечение, сказал, что Лори может погибнуть, если еще раз забеременеет.

Его слова повисли в воздухе.

– Ох, милая, – пробормотала Рут.

Лорен ничего не ответила, только плотно зажмурила глаза. Рут представила, как за закрытыми веками, будто река разлилась, хлынули слезы.

Завязался неловкий разговор, который прервал Адам, предложив не предаваться отчаянию и заказать что-нибудь на ужин. Лорен покачала головой.

– Спасибо, пап, мы не голодные. Может, поедете домой? – Она взглянула на Рут. – Меня еще поддержат здесь, сделают переливание. Дэн за мной присмотрит.

– Точно справитесь без нас? – с заметным облегчением Адам встал и принялся натягивать пальто. Он подошел к кровати и поцеловал Лорен в лоб. Попытался что-то сказать, но подходящих слов не нашлось, так что он взял портфель и удалился.

Рут подалась вперед и обняла Лорен.

– Выздоровливай скорее, милая, я напишу тебе завтра, но, если захочешь поговорить, звони в любое время. Постарайся поспать.

Дэн проводил их до конца длинного коридора.

– Нелегко тебе пришлось, – сказала Рут.

Он кивнул и посмотрел на нее полными ужаса глазами, будто вновь переживал страшные воспоминания.

– Там было столько крови, ее никак не могли остановить. Я боялся, что она не выживет.

– Ты в шоке, Дэн, тебе тоже нужно отдохнуть.

Дэн отвернулся, и Рут заметила, что он изо всех сил пытается сохранить самообладание.

– По утрам в понедельник мои коллеги в офисе показывают друг другу забавные видео своих детей, которые снимали на выходных. Обычно я не принимаю в этом участия и просто пялюсь в монитор, но на прошлой неделе я принес снимок нашего малыша. Все были в восторге, угощали меня пивом после работы и наперебой рассказывали, как здорово быть отцом. А теперь... – Он сжался, задыхаясь от горя. – Все пропало. Опять!

За все годы лечения от бесплодия и выкидышей Дэн ни разу не давал волю чувствам. Это одна из причин, по которой они никогда не были с ним по-настоящему близки. Теперь же глаза Рут наполнились слезами.

– Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

– Простите, не обращайтесь внимания. – Он расправил плечи. – Расчувствовался в самое неподходящее время. Лори сейчас только этого не хватало. – Дэн тяжело вздохнул. – ЭКО давало нам надежду целых пять лет. Не представляю, как она со всем этим справится.

Адам понимающе кивнул.

– Будет тяжело.

– Не то слово, – сказал Дэн и безрадостно хмыкнул. – В подвале клиники наших детей целый холодильник: хотя бы один из них да должен пережить беременность! – Он поморщился. – Но нам ведь этого не видать, потому что мы с Лори неудачники.

– Не говори так, – ответила Рут и положила руку ему на плечо. – Может, вам стоит поискать суррогатную мать, которая выносит одного из ваших эмбрионов? Лорен говорила, есть такая возможность.

– Мы это обсуждали, но дело в том, что мы уже потратили тридцать тысяч фунтов, прошли через ад, но все равно ничего не получается. – Дэн потер лицо, стараясь стереть воспоминания. – Не знаю, насколько меня еще хватит...

Адам нахмурился.

– Понимаю. Суррогатное материнство стоит недешево, к тому же столько подводных камней...

Рут бросила на мужа суровый взгляд и шепнула: “Не сейчас!”

– Прости, Дэн, мне не стоило об этом упоминать, – сказала она. – Вы устали, сейчас не время это обсуждать. Просто я не хочу, чтобы вы опускали руки.

– Да уж. – Дэн посмотрел на них затуманенными от слез глазами. – Но вообще спасибо большое, что приехали. Я, пожалуй, пойду обратно.

Рут и Адам смотрели ему вслед. Он перевернул висевшую на крючке бело-голубую табличку, зашел в палату и закрыл за собой дверь.

НЕ БЕСПОКОИТЬ

Они ехали по ночному Лондону молча, глядя прямо перед собой. Все эти поездки в больницу заканчивались одним и тем же – их молчаливым согласием с тем, что слова будут излишни. Рут думала, испытывает ли Адам такое же чувство дежавю. Вспоминает ли он, как однажды утром, в другой жизни, они ехали в другую больницу? Она никогда не спрашивала его об этом, боясь нарушить с большим трудом установленное равновесие. Опыт, который они переживали вместе, но ни разу толком не обсуждали, копился пузырем под поверхностью их брака.

Когда они проезжали по Воксхолльскому мосту и под ними скользила черная блестящая поверхность Темзы, Рут сказала:

– Я чувствую себя виноватой из-за того, что Лорен и Алекс так легко появились на свет. Нам ведь казалось, это самое обычное дело.

– Мне так никогда не казалось.

– Адам... – предупреждающе произнесла она.

– Я имел в виду, что...

– Мы оба знаем, что ты имел в виду, но давай сейчас не будем об этом, ладно? Только не сегодня – и так тошно.

Вновь разлученные тишиной, они ехали дальше – по набережной и по темным улицам Вест-Кенсингтона.

– Прости, зря я это сказал – извинился Адам. Они проезжали знакомые места: слева промелькнула детская площадка старой Хаммерсмитской начальной школы для девочек, затем парк Рэйвенскорт, где они учились кататься на

велосипедах, играли в лапту по выходным и пили, будучи подростками. – Просто ужасно видеть Лорен в таком состоянии и осознавать, что не можешь помочь. Все впустую.

– Я понимаю, – ответила Рут, коснувшись его плеча. Он потянулся к ней и взял ее за руку.

Голдхок-роуд затопило. В оцепленной зоне на углу их улицы при свете прожекторов работала аварийная бригада. Дождь прекратился, но задул порывистый ветер, и маленькие серые облака неслись по оранжевому, заляпанному городскими огнями небу.

Пока Адам искал ключи, Рут смотрела на узкий высокий дом, где они прожили больше тридцати лет. Она вспоминала, как принесла сюда дочерей – сначала Лорен, затем Алекс, – робкую поездку из больницы королевы Шарлотты: Адам ведет машину с осторожной серьезностью, присущей молодым отцам, а она устроилась на заднем сиденье и никак не может отвести глаз от малышки в детском кресле рядом с ней. То радостное волнение, с которым они вошли в дом, забыть невозможно. Того же Рут хотела и для Лорен: чтобы она испытала ощущение всеобъемлющего счастья, вступая в удивительный мир материнства после долгих лет бесплодия. Вместо этого дочь вернется в квартиру, которая должна была стать семейным гнездышком, с пустыми руками и обреченным чревом. Образ Лорен, уткнувшей в подушку полупрозрачное от горя лицо, разрывал ей сердце – она страстно желала все исправить, но это было не в ее силах.

Рут машинально накрыла стол на кухне, положила хлеб и немного сыра, но есть им не хотелось. Адам оставил голосовое сообщение для Алекса: она летела из Сан-Франциско, где теперь жила, на конференцию в Сиэтл и, как только самолет приземлится, она обо всем узнает. Затем они рухнули на диван и включили новости. Вскоре Рут зевнула.

– Я бы уже пошла спать, но у тебя, наверное, куча работы?

Адам потянулся и крикнул.

– Боюсь, что да. С утра принесли новую пачку документов, а завтра опять в суд. Пора идти, – сказал он и улыбнулся Рут. – Поднимайся в спальню, я постараюсь

тебе не мешать.

– Не волнуйся, я лягу в гостевой, а ты работай спокойно хоть до утра. – Рут обняла его. – Люблю тебя, Адам.

– Знаю, я тебя тоже люблю, – ответил он и поцеловал ее в макушку.

Они сжимали друг друга в объятиях, закончив про себя: “Несмотря ни на что”.

Рут поднималась по лестнице, когда Адам сказал:

– Прости, я совсем забыл спросить: как показ?

Она ответила не сразу: чтобы вспомнить, пришлось напрячься.

– Когда Дэн написал, он только начался. Но я уверена, что все прошло отлично. – Она с грустью посмотрела на него и добавила: – Кажется, будто это было так давно.

2

Значительно позже, когда Рут обратилась к прошлому в поисках тихой гавани – времени, когда жизнь еще не выбила почву у нее из-под ног и семья не начала распадаться, – она остановилась на воспоминаниях о своем дне рождения, который они отмечали за десять дней до того, как случился выкидыш. В ее памяти этот праздничный обед был похож на залитое солнцем побережье перед надвигающейся бурей.

* * *

Рут было нечем заняться – что было ей совершенно не свойственно, – поэтому она села в плетеное кресло и принялась смотреть по сторонам. Необычайно погожий день для конца сентября: глубокого, насыщенного синего цвета небо, забор позади нее утонул в зарослях жасмина, а на клумбах теснились желтые и

пурпурные маргаритки. Свет с террасы бил в застекленную кухню и дальше – в выложенную плиткой прихожую. Адам стоял у плиты и, сосредоточенно нахмурившись, вчитывался в книгу рецептов. Она улыбнулась: смотреть на него – все еще одно удовольствие.

Рут вытянулась и осмотрела себя: из-под салатowego льняного платья показались длинные загорелые ноги, плоский твердый живот был обтянут поддерживающим поясом из лайкры, только дряблая кожа возле подмышек, свисающая по обеим сторонам от коротких рукавов, выдавала ее возраст. Время от времени она прятала эти мешочки в бюстгальтер, но они вновь и вновь непослушно вылезали наружу – гравитация и недостаток коллагена. А чего еще ожидать в пятьдесят четыре года?

Телефон на столе буркнул: еще одно сообщение, на этот раз от Шейлы, самой лучшей и самой старой подруги:

С днем рождения! Старость

подкралась незаметно!

Как вы там?

Целую, Ш.

Адам готовит обед (!)

Отправил меня в сад

читать газету,

пить джин-тоник

и наслаждаться жизнью.

Никак не могу расслабиться...

За 25 лет брака Саймон

ни разу так не делал.

Завидую.

Не могу сидеть спокойно,

но, если предложу

помочь, обидится

Наслаждайся. У меня для

тебя подарок. Встретимся

после работы?

Конечно! На этой неделе

занята (реклама и показы),

давай на следующей?

Еще спишемся, чмок

Вынужденное безделье утомляло: ей хотелось забежать в дом, взять пару сценариев и заняться редактурой, но Адам будет в бешенстве. Звук дверного звонка, разнесшийся по всему дому, отражаясь от высоких потолков, принес облегчение. Через пару минут появились Лорен с Дэнном: держась под руки, они шагали по кирпичным ступеням прямо к Рут. Воздушное платье с цветочным принтом облегало стройную фигуру Лорен и подчеркивало невероятную голубизну ее глаз. Свои светлые кудри она стянула алой повязкой. Дэн, очаровательный и статный, возвышался над ней. Рут не могла налюбоваться своей старшей дочерью, которая в этот день была особенно прекрасна: по ее нежной девичьей улыбке невозможно было догадаться, что ей уже тридцать. Рут всегда немного поражалась тому, насколько Лорен на нее не похожа: ее чувствительная молочно-белая кожа легко розовела, сгорала на солнце и синела на холоде; несмотря на осанку, как у балерины, она ненавидела спорт; у нее миниатюрные кисти и стопы. Для Рут она всегда была загадкой: будто слеплена из другого теста, больше похожа на мать Адама. Может, поэтому они никогда по-настоящему не понимали друг друга? Она любила Лорен, но вместо простой и понятной близости, что всегда царила между ней и Алекс, в отношениях с Лорен всегда была какая-то путаница.

– С днем рождения, мамочка! Сиди-сиди, не вставай.

Они нагнулись, чтобы поцеловать Рут.

– Вам налить чего-нибудь? – спросила она. – Твой отец сегодня все утро хозяйничает на кухне и наверняка готовит что-то особенное.

Дэн обратился к Лорен:

– Воды?

Лорен кивнула.

– Хорошо, попрошу Адама, – сказал Дэн и направился к двери.

Лорен положила свой подарок на стол к остальным и пододвинула стул.

– Папа так сосредоточился на готовке, что даже говорить толком не может. А вся кухня заставлена грязными кастрюлями и мисками, – сказала Лорен сквозь смех. – Похоже, обедать будем не скоро.

– Ой, это точно! Так хочется ему помочь, но он же к плите не подпустит, – с наигранным возмущением сказала Рут.

– Не мешай ему тебя баловать, – ответила Лорен с улыбкой, но в ее голосе чувствовалась нотка раздражения. – Может, хотя бы сегодня не будешь контролировать все и вся?

– Прости, я правда очень стараюсь. И спасибо вам, что приехали сегодня. Давненько мы не виделись. – Рут пустила разговор в привычное русло заботы. – Как ваши дела?

– Жизнь прекрасна, а я просто счастлива!

Рут привстала от удивления. Обычно эмоциональное состояние Лорен колебалось в пределах стоического равнодушия и грусти: пять лет лечения от бесплодия, шесть выкидышей и последующие операции оставили тяжелый след.

– Это чудесно, милая! Как же я рада, что у тебя все хорошо, – воскликнула Рут и сжала руку дочери. – Так и знала: надо повременить с ЭКО, и все сразу пойдет на лад! Ты замечательно выглядишь – намного лучше, чем за все эти годы.

Щеки Лорен покрылись румянцем.

– Спасибо! – сказала она, поворачиваясь к кухне. – Что-то Дэн не торопится. Небось опять футбол обсуждают.

– Точно-точно, твой отец заболтается, и все сгорит. Может, сходить проверить?

Лорен сделала вид, что не услышала вопроса.

– А что, Алекс пока не звонила?

– Рано еще. – Рут посмотрела на часы. – В Сан-Франциско пять утра, так что она наверняка спит.

– Знаю я ее! Небось только ложится.

Алекс была пробивной, умной, энергичной и всегда верила в лучшее. В Калифорнии она умудрялась совмещать профессию разработчика программного обеспечения с бурной, насыщенной жизнью. Сестры всегда были очень близки.

– Жаль, что она не смогла приехать.

– Мне тоже, – согласилась Рут. – Очень по ней скучаю.

Из дома вышел Адам с подносом в руках, за ним появился Дэн.

– Все под контролем. опережая твой вопрос – помощь не нужна, – заявил Адам и, торжественно опустив поднос, объявил: – Шампанское, бузинный сироп, вода и блинчики с копченым лососем.

В дверь позвонили, но никто не отреагировал. Адам снимал с бутылки фольгу, а Лорен с Дэном за ним наблюдали.

– Кто-то пришел. Я точно слышала звонок, – сказала Рут и привстала с кресла.

Адам посмотрел на нее с недоверием.

– Сиди, я пойду проверю.

Адам зашел в дом. Рут вслух поинтересовалось, не оглох ли он часом, но Лорен и Дэн ничего не ответили, с удовольствием уплетая блинчики.

Вскоре Адам вернулся, весь сияя от счастья.

– Похоже, ты была права. Смотри, кто к нам пожаловал, – сказал он и отступил в сторону.

Позади него в дверном проеме, точно в рамке, стояла высокая, угловатая фигура с толстой желтой сумкой на плече. Короткие темные волосы, острые скулы, большие карие глаза, поднятые брови, ироничная улыбка. Алекс.

– Дочка! Вот это сюрприз! – Рут вскочила и с распростертыми руками побежала к ней. – Как я рада, что ты приехала! Надолго? Поверить не могу! – От восторга она улыбалась во весь рот, а на глазах блестели слезы.

– Мамуля, с днем рождения! – воскликнула Алекс и, бросив сумку, сжала Рут в объятиях. – Я на пару денечков, потом обратно. Из-за перелета жутко спать хочется, но я безумно рада вас видеть! – Обняв Лорен и Дэна, она взяла Адама за руку. – Скажи спасибо папе, это он все устроил.

Все наполнили бокалы, и Адам произнес тост:

– За Алекс, которая летела к нам всю ночь! – Алекс театрально поклонилась, и все зааплодировали. – За Лорен и Дэна, которым хватило порядочности не сбежать в Америку. И, конечно же, предлагаю выпить за нашу именинницу, заранее извиняясь за качество обеда. – Все засмеялись, затем Адам повернулся к детям: – Ваша мама пообещала расслабиться и хорошенько отдохнуть, как только съемки сериала закончатся.

– Ну, удачи тебе с этим, пап. Ты же знаешь, привычка – вторая натура, – сказала Алекс и подмигнула Лорен.

– Начиная с сегодняшнего дня! – строго заявил Адам. – Поздравляю тебя, любимая. – Они улыбнулись друг другу, и все захлопали.

Рут набрала в легкие побольше воздуха, готовясь произнести благодарственную речь, но Дэн тут же ее перебил. По его шее и щекам разлился румянец.

– А у нас есть новость, да, дорогая? – Он приобнял Лорен за талию и посмотрел на нее. – Давай, скажи ты.

Лорен прислонилась к Дэну и осторожно начала:

– На этот раз мы решили ничего не говорить, пока не пройдем стадию повышенного риска, потому что даже не надеялись на успех. Врачи были уверены, что это невозможно – в клинике сказали, что это чудо, – но я на тринадцатой неделе беременности! – Она сияла от счастья.

Дэн поцеловал ее в макушку.

– А вот и доказательства, – сказал он, протягивая три черно-белых зернистых снимка. – На прошлой неделе Лорен сделали обязательное УЗИ, я специально подготовил каждому по копии. Качество не идеальное, но справа сверху видно личико в профиль.

– Круто! – воскликнула Алекс.

– Как здорово! – вторил ей Адам, уткнувшись в снимок. – Лобик-то фамильный, готов поспорить!

Рут смотрела на них и не могла поверить собственным ушам.

– Я думала, вы прекратили попытки. Как же у вас получилось? В смысле, естественным путем?

Они рассказали, что после недавнего выкидыша у Лорен диагностировали синдром Ашермана: ее матка настолько деформировалась в процессе предыдущей операции, что дальнейшие попытки ЭКО не будут иметь смысла. В клинике им посоветовали остановиться, но они были настолько раздавлены горем, что в итоге врач согласился в последний раз перенести эмбрион. Он сказал, что “закрытие цикла” поможет им смириться с диагнозом, только и всего, вот они и решили никому не говорить. Когда же, несмотря ни на что, Лорен забеременела, ей сказали ждать выкидыша. Каждый день они готовились к потере, но ребенок продолжал развиваться. Недавно в женской консультации подтвердили, что беременность, скорее всего, протекает благополучно.

– Очень странно, – заметила Лорен. – В последние годы мне было так плохо, и вдруг я вновь почувствовала себя человеком. – Она окинула взглядом собравшихся. – Спасибо, что оставались рядом, особенно когда я была на грани или вела себя как полнейшая сука. Спасибо, что всегда поддерживали меня.

Члены семьи Фернивал произносили тосты в честь призрачного образа ребенка, а затем принялись обнимать и поздравлять друг друга, облегченно вздыхая.

– Мамочка, прости, что не сказала тебе, – прошептала Лорен, уткнувшись в плечо Рут. – Мне так не хотелось искушать судьбу.

– Что ты, милая! Я так счастлива! Даже не сомневалась, что у вас все получится, – ответила Рут. От собственной лжи ей стало не по себе.

Адам довольно улыбался.

– Чудесная новость! – Он повернулся к Лорен. – Предлагаю открыть еще одну бутылку, и на этот раз я настаиваю, чтобы ты сделала хотя бы глоточек, пусть даже потом и выплунешь его.

Лорен торжествующе посмотрела на Дэна, ее лицо сияло от счастья. Лево́й рукой она обхватила живот, одновременно защищая его и выставляя напоказ. Рут одолели воспоминания о собственной беременности: она физически ощущала, как пульсирует и извивается плоть внутри плоти, и размышляла о том, какая великая сила в этом сокрыта. На долю секунды она даже почувствовала укол зависти.

Алекс поднесла воображаемый микрофон к подбородку Рут и, пародируя манеру типичного американского репортера, спросила:

– Разве это не самый лучший подарок ко дню рождения? Новоиспеченная бабуля, расскажите, что вы сейчас чувствуете?

Рут растерялась: все смотрели на нее и, улыбаясь, ждали ответа. Новость отличная, но почему-то она застигла ее врасплох.

– Полный восторг, Алекс, как я и говорила. Невероятно, самый лучший подарок, это точно.

Лорен сообщила всем, что ребенок должен появиться на свет третьего апреля.

– То есть, когда я вернусь сюда в декабре, ты уже будешь на шестом месяце! – воскликнула Алекс. – Прямо-таки мадонна почти с младенцем. Как же здорово, что Рождество в этом году будет по-настоящему рождественским, – сказала она и приобняла Лорен. – Я так за тебя рада!

– А если все сложится, то ровно через год наш первый внук или внучка будет отмечать бабушкин день рождения и ползать по нашему саду, – добавил Адам. – Я позабочусь о том, чтобы газон был в идеальном состоянии.

– Ну все, – в глазах Лорен промелькнул страх. – Давайте не будем об этом. Если я чему-то и научилась за пять лет, так это не радоваться раньше времени. Когда воспринимаешь все как должное – точно быть беде.

Дэн обнял Лорен, желая защитить и успокоить ее.

– Все к столу! – крикнул Адам. Он посмотрел на Рут и улыбнулся. – Готова отмечать?

Все согласились, что обед получился выше всяких похвал: кружочки белого мяса краба с авокадо, курица в лимонном соусе с отварным рисом и зеленым салатом, а на десерт – бэзе с малиной и взбитыми сливками. Рут была поражена: Адам редко готовит, как же ему это удалось?

– Я тренировался, – признался он. – Коллега по работе дала парочку советов.

– Эмили, как я понимаю? – спросила Рут с самодовольной улыбкой.

Алекс уставилась на мать.

– Та блондинка-стажер, которая, по твоим словам, влюблена в папу? – Она перевела взгляд на Адама. – Ты все еще позволяешь ей виться вокруг тебя?

– Эмили Салливан вот уже несколько лет как полноправно вступила в должность и является ценным кадром моей адвокатской палаты, – ответил Адам. – Мы коллеги, и ничего больше. На прошлой неделе она любезно согласилась помочь мне попрактиковаться в приготовлении этого обеда.

– И где же вы двое практиковались? – ехидно спросила Алекс.

– У нее дома.

– И тебя это устраивает, мам?

– Не говори глупостей. Мы с Эмили знакомы несколько лет: иногда она приходит к нам в гости, а мы вдвоем бывали у нее. В любом случае, она состоит в долгих отношениях со своим молодым человеком.

– Больше нет, – поправил ее Адам. – Они расстались месяц назад, но вряд ли она долго пробудет одна, – добавил он и приобнял Рут. – Мы с твоей мамой женаты уже больше тридцати лет – нас уже ничто не разлучит.

По взгляду Адама Рут поняла, что он ждет от нее подтверждения его слов.

– Ты абсолютно прав, дорогой.

* * *

И в этом она была уверена.

3

В ночь после выкидыша Адам работал до четырех часов утра. Он привык к ночному бдению, еще будучи молодым адвокатом по уголовным делам, и ему нравилось иметь дом полностью в своем распоряжении, слушать скрип половиц и гортанные вздохи труб центрального отопления. Налив еще одну чашку кофе, он вышел из кухни и направился по коридору к своему кабинету мимо трех картин, написанных Лорен в колледже. На них были изображены дома, в которых прошло ее детство: слева облицованная гранитом терраса родителей Рут в Корнуолле, в центре увитый лиловыми глициниями кремовый фасад дома в Хаммерсмите, а справа от него – кирпично-каменное семейное гнездышко родителей Адама в Бакингемшире. С документальной точностью она выписала

все три здания, а вокруг них приклеила потертые фотографии, открытки, карты и клочки ткани.

Лорен была мечтательным ребенком, тихим и спокойным. Она не интересовалась учебной, зато любила музыку и искусство. Адам был уверен, что у нее талант, и учителя с ним соглашались, но Рут беспокоили ее оценки, поэтому она заставляла дочь посещать внеклассные занятия по математике, естественным наукам и французскому языку, а их Лорен терпеть не могла. Решив поступать в колледж Святого Мартина, где обучали искусству и дизайну, она отлично показала себя на подготовительных курсах и в итоге стала одной из звезд своего выпуска.

Адам вспомнил, как покупал эти три картины в первый день выставки дипломных работ, за которую она получила золотую медаль. К концу вечера все портфолио Лорен было распродано. Принимая поздравления от галеристов и посетителей, она чувствовала себя как рыба в воде, от удивления и удовольствия на ее щеках полыхал румянец. Они с Рут гордились дочерью и уже представляли себе выставки, заказы и следующее за ними признание, как вдруг два года спустя Лорен объявила, что выходит замуж за Дэна, инженера, старше ее на пять лет. Он обожал ее, это очевидно, однако был настолько не похож на них, что выбор дочери показался им упреком.

Они сразу же решили завести детей, и, когда этого не произошло, Лорен была раздавлена. Она забросила картины и начала преподавать два дня в неделю в школе в Хакни, а в остальное время работала из дома художником-графиком. Они жили скромно: после того как бесплатный цикл ЭКО от Национальной службы здравоохранения не увенчался успехом, все свободные деньги стали уходить на оплату лечения в частных клиниках. Казалось, будто жизнь Лорен протекает от одного приема врача до другого. С грустью и тревогой Адам и Рут наблюдали за происходившими с ней изменениями: плаксивая и капризная в период лечения, полная надежд в краткие периоды беременности, безутешная после их окончания. Для Адама было невыносимо видеть ее в том состоянии, в котором она была пять часов назад: опустошенную последней, величайшей потерей из всех.

Зайдя в туалет, Адам поставил чашку на полку, где среди кучи книг, ваз и камешков возвышалась золотая статуэтка BAFTA. Он мочился долго и с большим напором: двойное облегчение. Врач сказал, если можешь помочиться на стену с двух футов, рак простаты не грозит. Не то чтобы его беспокоил рак простаты. По

крайней мере, не слишком сильно. Тем не менее в прошлом году уже пара коллег с ним столкнулись, обычно это заставляет задуматься. Однако в прошлый раз Адам попал с трех футов, что довольно неплохо для пятидесяти семи лет.

Стена позади него была увешана фотографиями дочек и рисунками времен начальной школы. На самом большом была подпись: “Моя семья. Лорен Фернивал, 3 года”. На рисунке Адам, Лорен и Алекс стояли, взявшись за руки, в фиолетовом доме. Повсюду цветы и деревья, а наверху ярко-голубое небо, желтое солнце и, если присмотреться, можно увидеть крохотный коричневый самолет.

– Ты только троих нарисовала, глупая! – заверещала Алекс, когда Лорен принесла рисунок домой. – А маму забыла!

– Неправда! – твердо заявила Лорен. – Мама в самолете.

Адам улыбнулся, вспоминая, как Рут встревожилась и сгоряча поклялась чаще появляться дома. Намного чаще. Эта фраза в их семье стала крылатой. С тех пор каждый раз, когда она говорила, что задержится допоздна в монтажной, не сможет приехать на день рождения или будет работать все выходные, дочери хором кричали: “Мама в самолете! Мама в самолете!”

Он остановился у подножия лестницы и почувствовал, как дом окутывает его, – они сделали это место таким, какое оно есть сейчас. Первые пару лет они жили как в берлоге. Так было у всех, кого они знали. Из всех сил стараясь оплатить счета, они обставляли дом чужим старьем или тем, что удавалось найти на помойках. Каждые выходные заделывали щели, клеили обои и красили стены. Он научился штукатурить, соорудил ворота и собственноручно прибил все книжные полки. Все это он совмещал с тяжелой работой младшим адвокатом, за гроши вкалывая по ночам и путешествуя по всем судам Юго-Восточной Англии. Сколько же у них было энергии!

И ведь большую часть времени они были счастливы. Конечно, бывали непростые времена: вечный недосып после рождения Алекс, долгие поездки Рут за границу, ужасная няня, подростковый период девочек-ведьмочек, – но они всегда стремились к своим целям. Рут привела в порядок сад, теперь там можно было пить чай, прыгать на батуте, выращивать и рвать салат. Адам поставил сарай и построил домик на дереве. Летними вечерами они устраивали турниры

по настольному теннису. Пока кипело рагу, пеклись оладьи – за кухонным столом Лорен и Алекс спорили из-за домашки. На Рождество все собирались у пианино: Адам играл, а все остальные пели песни.

А потом, совершенно неожиданно, все закончилось, и по-прежнему уже быть не могло: вместо хаоса и криков, вместо пульсации жизни – тишина. Раз убранные комнаты всю неделю оставались идеально чистыми. Телефонные зарядки, чайные ложки и велосипеды лежали на своих местах, а из дома почти исчез смех. Адам будто потерял часть себя: он души не чаял в дочках и обожал их на расстоянии, пусть теперь Алекс и приезжала к ним пару-тройку раз в год, а Лорен лишь время от времени.

Поначалу они с Рут стали проводить много времени вместе: ходили в кафе, на концерты, рассеянно обсуждали сокращение с работы и возможность взять отпуск на год. Затем, как раз когда Рут открыла с Беллой “Морраб филмз” и лишилась зарплаты на Би-би-си, бюджет на юридическую помощь заметно сократился, и доходы Адама резко упали. Денег было впритык, и Рут стала работать еще больше, чтобы восполнить нехватку. Адам чувствовал себя виноватым. Чтобы убить время, он нашел себе занятия по душе: вступил в несколько комитетов, чаще играл в теннис. Они занимались сексом, но лишь время от времени – он знал, что это совершенно нормально, однако Рут постоянно была уставшей, часто засыпала, читая сценарии в кровати, и в период съемок вставала ни свет ни заря. Десять дней назад, когда Лорен сообщила о беременности и что на этот раз самый опасный этап позади, Адам ощутил радость и прилив надежды. Он представлял себе, как внук или внучка оживит дом и подарит им новую цель в жизни, и теперь все начнется с чистого листа. И вдруг, сегодня вечером, пришло сообщение от Дэна – все кончено, ребенок погиб. В груди снова поселилась опустошающая боль.

Кабинет Адама – его личное пространство. В бурные годы семейной жизни, когда он явно был в меньшинстве, кабинет был единственной комнатой, которая на все сто процентов принадлежала ему: никаких женских штучек и украшений. Он любил Рут и дочерей – вне всяких сомнений, они были центром его вселенной, – но жить в гинекократии довольно изнурительно: нужно убежище, место, в котором можно уединиться, скрыться от всех и побыть самим собой. Медная настольная лампа заливала стол мягким зеленоватым светом и настраивала на рабочий лад. Когда-то она принадлежала его деду, хирургу и альпинисту, который заменил Адаму отца. На семейных праздниках в Шотландии он играл с ним в футбол и теннис, учил различать виды деревьев и

птиц.

Адаму было семь, а его сестре четыре, когда отец серьезно заболел: лейкемия, угас он быстро. С тех пор, если Адам видел, как кто-то ходит по дому в пижаме, слышал запахи талька, антисептика или терпкого масла мирры, он моментально оказывался в родительской спальне: энтропия и конец детства, чувство вины. Эту тему больше никогда не поднимали – ее зарыли в землю, как тела двух золотистых ретриверов на заднем дворе. Однажды все взрослые оделись в черное и ушли на похороны, где детям было не место, а потом – в обычную одежду и продолжили жить как ни в чем не бывало. Пару недель спустя Адам нашел на заднем крыльце пять птенцов черного дрозда: бесперых, с розовой, полупрозрачной кожицей, большими слепыми глазами и тощими шеями.

Двое уже умерли, а остальные еще шевелились. Адам выложил дно обувной коробки носками и ветками, поставил ее на комод в своей спальне, положил их туда и накрыл сверху листьями, чтобы не мерзли. Он проверял птенцов каждое утро и как только возвращался из школы. Они почти не двигались, но он капал им в клювики молоко, отчаянно пытаясь сохранить им жизнь. Однажды, когда Адам пришел домой, коробки не было. Он спросил у мамы, не видела ли она ее.

– Милый, я ее выкинула. Птенцы умерли, и запах стоял ужасный.

– Они не умерли! – Адам сложил руки на груди, будто щит, и стал раскачиваться взад и вперед, оплакивая горькую утрату. – Зачем ты их выбросила?!

Она смотрела на него с тревогой.

– Ну-ка сядь и успокойся, Адам! Мальчики не плачут. Помнишь, что я тебе говорила? Теперь ты глава семьи, не подведи нас.

Но Адам неделями рыдал без умолку, и вскоре мать поняла, что больше не сможет это терпеть. Чтобы успокоить ребенка, было решено отправить его на летний семестр в подготовительную католическую школу-пансион, где всем заправляли францисканские монахи.

– Будь стойким, мой мальчик, ты же Фернивал! – наставляла его бабушка, прощаясь с ним в кабинете директора.

Семья была небогатая, но страховка покрыла затраты на ипотеку, и матери Адама удалось сохранить дом – когда-то приходской, с неровными полами из дубовых досок, с каминами внушительных размеров и множеством портретов на стенах, изображающих целые поколения семьи. Адам получил стипендию на обучение в частной школе и сразу понял: чтобы не потерять место, необходимо быть лучшим из лучших – и старался соответствовать. Дяди приходили к нему на матчи по крикету, водили на рыбалку и учили жизни. К четырнадцати годам католическая вера испарилась, и он приобщился к умеренным, не требующим вовлечения англиканским школьным службам. Адам не проявлял особого рвения, но ему нравились музыка и литургия, поэтому он продолжал посещать их по праздникам. Впрочем, выступая в дискуссионном клубе, он раскрыл свои францисканские корни: он спорил с жаром, выражая довольно старомодные взгляды относительно охоты на лис, смертной казни, эвтаназии и аборт – зачастую одерживая победу, благодаря мастерству, харизме и таланту к убеждению. К последним годам школы Адам развил в себе обаяние и изысканные манеры, характерные для мужчин в его семье, но в глубине его души таилась сдержанность, защищавшая уязвимого ребенка, коим он был на самом деле. Он выработал для себя моральный кодекс и строго его придерживался, чтобы не терять почву под ногами. Он собирался стать спортсменом и юристом, как отец, и мечтал о целом племени детей – о настоящей семье, где отец останется жив.

Учитывая все обстоятельства, Адам неплохо справлялся: жив-здоров, все еще играл в теннис, иногда даже в крикет, да и за барной стойкой любому давал фору. Детей, правда, меньше, чем он себе представлял, – жалел об этом, но уже поздно. Многие вещи он бы сделал иначе, да жить прошлым нет смысла. Адам ни с кем не обсуждал болезнь отца, пока не встретил Рут. Небрежная сдержанностью среднего класса, она хотела точно знать, что случилось и что он чувствовал в тот момент. Она была не похожа ни на кого из тех, кого он когда-либо знал: она поняла его, что-то в нем пробудила. Он был обязан жениться на ней. Оглядываясь назад, Адам понял, насколько это было рискованно. У обоих сильный характер, из-за этого бывало трудно: сложности никогда не обсуждались, а вспоминались только в гневе. Но они все еще вместе, и это главное. Семья Фернивал: Рут и Адам, Адам и Рут. Неразлучные.

У него на столе стояли две фотографии. Маленький черно-белый портрет щуплого мальчугана с тощим бледным лицом, сделанный в его первый год в подготовительной школе, служил вечным напоминанием о том, что все наладится (он никогда не посещал встречи выпускников). На второй фотографии – его родители в день свадьбы: серебряная рамка потускнела и стала коричнево-

серой, а лица молодых были полны радости и надежды. Она имела совершенно другой посыл: всегда готовься к худшему.

* * *

Рут протянула руку и повернула телефон экраном вверх: 02:57. Она проснулась, обливаясь ледяным потом. “Сколько еще можно мучиться?” – подумала она, перевернувшись на сухой холодный край кровати. Она чувствовала тупую, давящую грусть и не могла понять из-за чего, но вдруг вспомнила. Лорен в больнице, опустошенная, не в силах плакать, отталкивает ее: “Мама, не надо, пожалуйста!” Дэн с изможденным от горя лицом: “Не знаю, насколько меня еще хватит...” И семья одиноких, лишенных матери эмбрионов, ждущих в морозильной камере. Если бы только она могла найти решение. Хоть бы было немного лишних денег на оплату суррогатной матери. У Рут была репутация продюсера, способного свернуть горы: она привыкла браться за любую возникшую проблему и решать ее, но на этот раз ее одолевали разочарование и бессилие. Она не могла заснуть.

Рут включила свет. На прикроватной тумбочке лежала книга ее детства “Маленькие женщины” в выцветшей синей обложке, которую она забрала с чердака родительского дома в Пензансе, убирая там после их смерти. Книга столько лет пролежала в корнуолльской сырости, что ее обложка сморщилась, а страницы пропылились. На титульном листе крупными, скругленными и соединенными между собой буквами было написано “Рут Яго”, а рядом застыло чернильное пятно. Она вспомнила новую авторучку, подарок на седьмой день рождения, и нагоняй от матери: “Ты зачем ее сломала, негодяйка? В твои-то годы! Как тебе не стыдно?!” Рут поднесла книгу к лицу – все еще пахнет плесенью и дымом. Она вспомнила, как было здорово лежать на ковре из овчины в дальней комнате, поближе к огню, и читать целые часы напролет, пока не заругают: “Ну-ка, хватит! Глаза испортишь. Тебе что, заняться нечем?” Будучи подростком, она часто пропадала в отделе художественной литературы пензанской библиотеки. В книгах Рут находила покой, они обещали свободу, и с ними она погружалась в добрый, забавный и увлекательный мир, где кипели страсти и преображался секс.

Реальная жизнь с матерью была гораздо мрачнее. Однажды за завтраком она заметила над воротничком школьной блузки засос и впала в ярость: “Ах ты гадкая, паршивая мерзавка! Убирайся отсюда! Теперь ты порченная, как эта

Уоррен!” Кристин Уоррен, веселая и добродушная девушка с длинными русыми волосами, ушла из школы в шестнадцать лет. Днем ее можно было встретить на центральной улице с коляской – противоестественная, страшная судьба. Рут была единственным ребенком в школе, кого мать, религиозная фанатичка, заставляла отсиживать две службы по воскресеньям и держала под домашним арестом, чтобы уберечь от порока. Рут придумала множество внеклассных занятий и экскурсий, чтобы прикрыть свою тайную жизнь, но она никогда не позволяла мальчикам зайти слишком далеко: угрозами и запугиванием мать привила ей целомудрие. Сперва она ненавидела уловки и боялась осуждения, для каждой лжи стараясь найти достойное оправдание, и обычно у нее получалось. К концу школы Рут превратилась в опытную лгунью: без этого было никак, но она все равно переживала.

Она встала с кровати и положила “Маленьких женщин” обратно на полку в углу комнаты. Там она хранила самые ценные книги, которые перечитывала снова и снова: они давали ей почву для размышлений, просвещали, дарили мудрость и утешение. Рут просмотрела корешки, выбирая книгу под настроение, и остановилась на “Миссис Дэллоуэй”. Потрепанный том был расписан умными заметками, которые она делала в первый семестр университета, пытаясь в свои восемнадцать понять главную героиню – утонченную аристократку средних лет, ее жизнь в Лондоне и противоречивый характер. Сейчас между ними было больше общего. На титульной странице ее имя было написано острым, почти каллиграфическим почерком, которым она гордилась много лет: “Рут Яго, Брасенос-колледж”. Еще одно воплощение.

Оксфорд был прекрасен, удивителен и страшен. Впечатляюще не похож на тридцать седьмой дом по улице Росвенна-драйв в Пензансе. Рут сразу поняла, что влиться в коллектив будет непросто. Другие студенты кичились обширными связями, налаженными в школах-пансионах, в шикарных лондонских домах, так хорошо подходящих для вечеринок, в ветхих загородных домах и в безрассудных приключениях во время каникул. Те же, кто находился у подножия социальной лестницы, обсуждали обездоленное детство, проведенное в полузаброшенных кварталах, жестоких отцов и запуганных матерей, самоубийства родственников. Ее взросление в религиозной семье среднего класса было лишено драматизма. В то же время ее доселе обычное, ничем не примечательное корнуолльское имя неожиданно стало предметом насмешек: “Рут Яго! Вот это имечко! Ха-ха!” Пришлось придумывать прозвище.

Через пару недель от корнуолльского акцента не осталось и следа – вместо этого ее речь приобрела манерную медлительность: именно так говорили профессора на лекциях и семинарах. Ужин она стала называть обедом, а привычный обед превратился в ланч. Не считая коротких визитов в Пензанс (акцент возвращался в районе Плимута), она никогда не выходила из роли и горя не знала. Но ей так и не удалось снискать одобрения матери: “Ты ведь теперь считаешь нас людьми второго сорта, да? Ну-ну, поживем – увидим! Чем выше взлетаешь, тем больше падать, не забывай об этом”.

Рут нашла работу на Би-би-си, потом вышла замуж, сменив фамилию с Яго на Фернивал. Адам оказался умным, смешным и заботливым. Все его родственники имели отличное образование и были уверены в себе. Аристократической твердостью характера они напоминали ей героев “Возвращения в Брайдсхед”. Рут восхищалась ими, но никого из них не понимала. Разве можно поговорить с кем-то по душам, если так тщательно скрываешь свое истинное я? В конце концов ей удалось подстроиться – и это главное.

И вот, десятки лет спустя, она играет еще одну роль: пережившую менопаузу, замужнюю и все еще работающую Рут, хозяйку опустевшего гнезда. Внуков, похоже, не предвидится, а ведь они могли бы немного изменить сложившийся расклад. Ради чего теперь жить? Кем быть? Что делать? Вариантов немного, ведь она привязана к Адаму. Их судьбы оказались скреплены общей историей и семьей, словно стальной паутиной, а дом превратился для них в кирпичный корсет: сколько всего хранится в тайне под его шиферной крышей! Они не смогли бы устроить себе передышку от семейной жизни – даже если бы захотели.

Она была уверена, что Адам никогда об этом не задумывался: он всегда был одинаков, никогда в себе не сомневался и не видел необходимости меняться. Она чувствовала его ритмы: он работает внизу, подшивая документы и продумывая структуру и порядок своих аргументов. Примерно каждый час она слышала его шаги в коридоре, бурный ропот чайника и звонкий скрежет фарфоровой кружки по гранитной столешнице. Она представляла, как он засучивает рукава джемпера, зеваает и потягивается, перед тем как взять ручку и накинуться на свежую стопку бумаг, как пишет едкие заметки на полях, чтобы отметить слабые места в показаниях свидетелей или сомнительные пункты в законе. Для своих лет он в отличной форме – не растолстел, как несколько его коллег, – по-прежнему привлекателен, женщины не прочь с ним пофлиртовать.

Ей вспомнились голоса из кинозала и закрутились в голове, как заевшая пластинка: “Когда-то была само очарование... когда-то была... когда-то была...”

Она зашла в ванную и посмотрела в косметическое зеркало, стоявшее рядом с бритвенными принадлежностями: оттуда на нее глазело гигантское лицо, в десять раз больше нормального размера. На смену ранним неприятностям менопаузы пришла фаза “бородатой женщины”: со вчерашнего утра на лбу, над верхней губой и на подбородке появились новые волоски. Она принялась выщипывать их пинцетом – пагубное и к тому же совершенно бесполезное действие, как выметать песок с пляжа. Ее подруги ходят в дорогие салоны, где нитью выщипывают брови в стиле Фриды Кало и удаляют усы. Однажды Рут последовала их примеру, но процедура оказалась настолько болезненной, что она решила бороться с проблемой своими силами. Однако шансов на победу в этом бою у нее не было. Она пользовалась дорогими кремами, ходила к косметологу, но все-таки кожа была уже не та.

Иногда, стоя в одиночестве, рассматривая лицо и стремясь его улучшить – или скорее притвориться сорокалетней женщиной, – она мучилась приступами жуткой паники. Она готовит свой внешний вид для какой-то цели, но какой? И где же настоящая Рут? Кто на самом деле все пристальнее следит за ней и изощренно над ней издевается? Она чувствовала, что давным-давно утратила часть себя и изображение в зеркале представляет собой что-то вроде набора разрозненных частей: разрыв между внутренним миром и внешностью увеличивается с каждым днем. Натягивая кожу, чтобы вырвать гадкие, толстые волоски, она слышала пессимистично-злорадный голос матери: “А чего ты хотела, девочка моя? Быть женщиной не сахар, вот увидишь!” Рут перевернула зеркало. Гораздо лучше: в размытом отдалении она снова казалась себе молодой, а значит, цель достигнута, ведь так?

Рут вернулась в кровать и выключила свет. Как только она уснула, голоса в голове злобно зашептали:

В твои-то годы!

Не сахар, вот увидишь!

Как тебе не стыдно?!

Когда-то была само очарование...

Убирайся отсюда!

Годы никого не щадят... никого не щадят... никого...

4

Погожий денек в Брокли, небо чистое, и комната полна света. Лорен пятый день не выходит из дома, до сих пор не была на улице. Здесь – подальше от колясок, детей и младенцев, беспечно качающихся на пышных грудях матерей, – гораздо безопаснее. В начале беременности ее собственная грудь налилась, готовясь выполнять свою главную функцию, соски стали чувствительны к температуре и прикосновениям, однако теперь они сморщились и загрубели. Матка все еще немного кровоточила, будто плача о потерянном ребенке. Днем, пока Дэн был на работе, она спала или бродила по дому в сером велюровом халате, натянув капюшон, и разглядывала тщательно обставленное семейное гнездышко: безупречно чистые бледные стены, деревянные полы без единого пятнышка, книги, горшки и чудесные скульптуры, аккуратно выставленные на полках. Безопасно, но чересчур стерильно.

* * *

Они въехали в этот дом сразу после медового месяца. С каким воодушевлением они забирали ключи у агента по недвижимости! Пока не привезли мебель, они лежали в спальне на голом полу и представляли себе следующий этап совместной жизни: как занимаются любовью на широченной кровати, которую они договорились купить, обустраивают детскую в мансарде, как в рождественское утро их будят двое деток с праздничными чулками в руках. Как жестоко судьба наказала их за беспечную уверенность. Трижды у Лорен забирали яйцеклетки и оплодотворяли их спермой Дэна: в измотанную матку посадили девять эмбрионов. Они привыкли к отсутствию спонтанности и затухающей страсти – секс превратился в механический процесс для достижения цели, который максимально эффективно запланировать на определенное время. Дэн научился делать Лорен инъекции с гормонами и

справляться с потоком эмоций, вызванным лечением.

Несмотря на то что она проходила через это множество раз, потеря стала для нее шоком. Она стояла у окна в гостиной и смотрела на машины и людей, осознавая, что ее трагедия ничуть не затронула мир вокруг.

“Постарайтесь не замыкаться в себе”, – говорила она вслух, имитируя спокойный, умиротворяющий голос специалиста по когнитивно-поведенческой терапии, и закручивала красный резиновый браслет, обвивавший правое запястье, пока ощущение стянутой, онемевшей кожи не затмевало боль. Ей посоветовали носить браслет не снимая и затягивать его, когда в голову лезут дурные мысли, – так мозг постепенно научится избегать пагубного воздействия. Лорен сказали, что, если сдавить артерии, выделится адреналин, и это действие показалось ей щадящей заменой порезам на запястье – нет ни вреда, ни чувства вины.

Они лелеяли каждый эмбрион и оплакивали их гибель. Эти переживания сплотили их и отлучили от остального мира, потому что больше никто не понимал их скорбь. Порой, когда Дэн был на работе, Лорен доставала из глубин прикроватного столика конверт с распечатками. Тринадцать маленьких черно-серых снимков – уголки нескольких из них уже начали немного загибаться. Это все, что осталось от семерых детей, которые обосновались в ее чреве, а затем ушли. Она раскладывала их на одеяле и подолгу рассматривала, предаваясь нежным воспоминаниям.

Лорен с Дэном совершенно не вписывались, отставали, выбивались из общей картины. У немногих ее подруг были дети, но почти все его друзья уже имели по одному или даже по два ребенка. Люди начинали было спрашивать – и неоконченный вопрос неловко повисал в воздухе. Более чуткие знакомые старались при них не распространяться об успехах своих чад, не назначать встречи в кафе, куда часто заглядывают счастливые мамочки, и не рассылать приглашений на обеды, где существует вероятность опасной встречи с молодыми семьями. Хуже всего было на Рождество.

Обыкновенная удача других становилась невыносима. Когда очередная пара друзей объявляла о беременности, Лорен испытывала почти физическую боль и впоследствии старалась их избегать, потому что не могла скрывать душившие ее мерзкие чувства. Ее мучила зависть, когда она слышала истории о женщинах за сорок, которым с легкостью удалось родить, или о тех, кто производил на

свет по три-четыре ребенка, когда у нее не получалось выносить даже одного. Из-за этой ужасной несправедливости она чувствовала себя ущемленной, и в ее душе копилась злоба. В их круг общения входило все больше бездетных друзей: так было легче.

Телефон завибрировал. Лорен сунула руку в карман и нащупала его среди скомканных влажных салфеток.

Все время думаю о тебе

Может встретимся?

Выпьем чаю или прогуляемся?

Представляю, как тебе нелегко.

Люблю, целую

Лорен положила телефон на подоконник. Всю свою жизнь она относилась к матери с опаской. Однажды, в первый год средней школы, мама разрешила ей в конце четверти ложиться спать позже и приходить к ней на съемки. После одного из таких походов Лорен услышала, как ее коллега говорила с восторгом: “Как же тебе это удастся, Рут? Успеваешь работать, уделять время мужу, заботиться о детях, еще и умудряешься заставить всех плясать под твою дудку. Вот что значит профессиональный управленец!” “Так вот как это называется, когда мама всерьез берется за тебя”, – подумала Лорен. Ей не хотелось, чтобы ею управляли: ее высокая, красивая и наглая мамаша обожала залезать в душу и везде совать свой нос. Если пригласить ее домой сегодня, она со своим сочувствием разбередит старые раны, вновь открывшиеся после выкидыша, и сделает только хуже. В этот раз все было просто ужасно: она позволила себе поговорить с ребенком – о том, какой замечательной будет их жизнь и что все их мечты наконец исполнятся. Она играла с судьбой, и та поразила обоих. Лорен ответила:

Спасибо, мам. Не переживай,

все хорошо, приезжать не нужно.

Еще увидимся, целую.

Сквозь стекло она видела раскидистые кроны деревьев: ярко-желтые листья вперемешку с темно-коричневыми. На ветках грелись в лучах осеннего солнца розово-серые, по-летнему пухлые голуби. Кто-то мог бы назвать этот день чудесным, но только не Лорен.

Она положила руки на талию и попыталась их соединить: плоть довольно легко поддалась. Восемь дней назад ей казалось, что живот стал более упругим и сильнее выдавался. Она подолгу стояла боком у зеркала в ванной и представляла, как он понемногу растет.

“Бесплодная. Бездетная. Бесполезная”. Она натянула резиновый браслет – так всадник натягивает поводья, пытаясь сдержать огромную обезумевшую лошадь.

“Если станет совсем невыносимо, постарайтесь отвлечься от этих чувств. Займите себя делом, какой-нибудь физической активностью”, – советовал психотерапевт. Лорен открыла оконную задвижку, подняла нижнюю створку, и она со стуком врезалась в раму. В комнату ворвались запахи и звуки с улицы: пары бензина и сладковато-терпкий аромат гниющих листьев, гул машин, визг полицейской сирены и детский смех, доносящийся со школьной площадки на соседней улице. Лорен отпрянула от окна, и в ту же секунду с дерева беззаботно слетел голубь и приземлился прямо на узкий подоконник. Черные глазки осмотрели ее и забегали по комнате в поисках добычи.

Она на цыпочках подошла к журнальному столику, взяла из открытой пачки печенье и крошила его на подоконник. Птица на мгновение отшатнулась, намереваясь взлететь, но затем передумала и опустила голову, изучая еду. Голубь искоса посмотрел на Лорен и принялся клевать крошки.

Зазвонил телефон, и птица тут же упорхнула. Лорен закрыла окно и посмотрела на экран: Алекс сидела за кухонным столом у себя дома в Сан-Франциско и поедала мюсли.

– Привет! У меня есть двадцать минут, потом убегаю на работу. Я тут недавно кое-что узнала и хочу тебе рассказать. – Алекс на секунду замолчала. – Ты такая бледная, как себя чувствуешь?

Лорен вздохнула:

– Не очень. Мне снилось, что я все еще беременна, а потом проснулась и вспомнила, что никакого ребенка нет. Как будто снова его потеряла. После этого было несколько сильных панических атак. Кажется, я не выживу, если не смогу иметь детей.

– Сможешь! – Алекс подняла руки над головой, будто ангел, прибывший с вестью. – У меня для тебя отличные новости из Калифорнии, мировой столицы суррогатного материнства. Вчера я взяла выходной и обзвонила все клиники из списка, который ты мне отправила.

– Спасибо, – равнодушно ответила Лорен.

– А еще я заехала в те шесть, что были ко мне ближе всего, и кое-что взяла, – сказала Алекс, размахивая веером из брошюр. – В отличие от сайтов, тут подробно расписаны все цены. И везде есть суррогатное материнство. Когда сможешь встретить курьера?

– Не стоит, лучше отправь по почте.

Алекс нахмурилась.

– Но ведь еще позавчера ты говорила, что это очень срочно, потому что тебе нужно как можно скорее найти клинику.

– Знаю, но вчера мы разговаривали с Дэном, и вдруг он говорит: “Может, не будем заводить детей? Что в этом такого ужасного?” Представляешь?! – Лорен посмотрела на сестру с тревогой.

– Это всего лишь мнение, – мягко ответила Алекс. – Большинство моих друзей уверены, что лучший способ помочь планете – это не заводить детей. А те, кто все-таки хочет ими обзавестись, готовятся к усыновлению. Они считают, что это

наивысшее проявление культуры разумного потребления, – сказала она, но затем спохватилась и добавила: – Но у тебя же есть свои эмбрионы, так что было бы логично их использовать. Не волнуйся по поводу Дэна: он еще не оправился. Он обожает тебя и сделает все, как ты захочешь.

– Не уверена, – ответила Лорен, разрывая салфетку на длинные тонкие полоски. – Когда я забеременела в прошлый раз, мы с Дэном договорились, что, если не получится, напрямую обратимся к суррогатной матери в Штатах. В клинике сказали, что это лучший вариант. Но теперь он не в восторге от этой идеи.

– Почему?

– Переживает по поводу денег и не хочет затягивать пояса еще на пять лет – ему кажется, что мы не потянем такой большой кредит. Плюс ко всему, он начитался негативных отзывов о коммерческом суррогатном материнстве в интернете и отказывается эксплуатировать бедную, несчастную американку, которая может не до конца понимать, на что подписывается. Я тоже не горю желанием снимать утробу неизвестной женщины в аренду – очень спорная услуга, но разве у нас есть другой выход?

Алекс открыла блокнот с заметками.

– Он прав, это недешево – минимум сто пятьдесят тысяч долларов, плюс придется оплатить госпошлину за перевозку ребенка в Англию.

Лорен опешила.

– И речи быть не может, у нас нет таких денег.

– погоди, – сказала Алекс и отхлебнула кофе, – есть еще один вариант.

Она наклонила голову и посмотрела на Лорен с хитрой улыбкой.

– И какой же?

– Я могу выносить вашего ребенка. Я в деньгах не нуждаюсь, у меня высокооплачиваемая работа и медицинская страховка, вы с Дэном сможете пожить у меня в гостевой комнате. Мне не нужно платить, так что забудьте про ваши дурацкие моральные терзания. – Она замолчала и вгляделась в экран. – Ты что, плачешь?

Лорен скомкала обрывки салфетки и вытерла слезы.

– Прости, я просто... Я слышала, что сестры так делают, читала всякие истории в интернете, но мне даже не приходило в голову обратиться к тебе. Ты всегда говорила, что не хочешь рожать.

– Мне никогда не хотелось стать мамочкой, но я с радостью выношу ребенка для тебя. – Алекс улыбнулась. – Но только при условии, что ты точно забереешь его себе!

– А если что-то пойдет не так?

– А что может пойти не так? Я здорова, в отличной форме, а вот здесь... – она похлопала себя по животу, – у меня простаивает репродуктивная машина. Ну что, попробуем?

Лорен шмыгнула носом.

– Прости, я все никак не могу поверить... Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Я буду счастлива, если ты подаришь нам ребенка, – сказала Лорен, сверкая улыбкой. – Я поговорю с Дэном, а тебе нужно будет обратиться к специалистам, чтобы узнать обо всех рисках и полностью понимать, на что ты соглашаешься. Договорились?

– Конечно! – Алекс посмотрела на часы. – Только не сегодня и не завтра: у меня выездная конференция. И ровно через четыре минуты я должна сесть на велик, чтобы успеть провести презентацию для совета директоров. Потом поболтаем, хорошо?

– Я так тебя люблю и мечтаю тебя обнять!

– Я тоже, сестренка!

* * *

Лорен сделала себе чашечку кофе и наслаждалась непривычными ощущениями: кофеин был под запретом все годы, пока она старалась забеременеть, и эта чашка стала маленькой компенсацией за все ее неудачи. Она представляла себе, что скажет Дэн, когда узнает о предложении Алекс. Вдруг он предпочтет официальный вариант и предложит заключить договор, чтобы не полагаться на щедрость ее семьи? Она подошла к черно-белой фотографии, сделанной через несколько месяцев после их встречи: они стоят лицом друг к другу, руки лежат на плечах, он улыбается, глядя на нее сверху вниз, а она смотрит на него и смеется. Такие беззаботные и уверенные, такие счастливые, что нашли друг друга. Кажется, будто это было в другой жизни.

В то время она жила в коммуне художников в Уонстедде и, помимо работы в студии, перебивалась низкооплачиваемыми халтурками. Однако ей удалось набрать достаточно коллажей на персональную выставку в галерее лондонского Ист-Энда. Как-то раз в обеденное время, вскоре после открытия, туда зашли несколько сотрудников инженерной компании, что была неподалеку: один из них купил принт, а потом пригласил Лорен на свидание. Он был не в ее вкусе, да и выглядел значительно старше в этом своем костюме, при галстуке и с типичной прической парня из Сити. Но оказался довольно привлекательным и смешным. В винном баре он признался, что раньше никогда не ходил на выставки и купил картину ради того, чтобы поговорить с ее автором. Он закидывал ее вопросами, и вот Лорен уже рассказывала ему о себе: как она волновалась, что никогда не сможет зарабатывать картинами, как настоящий художник, и в конце концов будет вынуждена поступить в университет и найти “нормальную работу”, скучную до ужаса, просто чтобы хватало денег на еду. Такую жизнь ей пророчила мать, советуя превратить творчество в хобби и отодвинуть его на второй план.

– Это же глупо! Во всех отзывах в интернете пишут, что ты гений, к тому же половину картин уже раскупили. – Он говорил пылко, с искренней убежденностью. – Твоей маме не мешало бы купить очки. Или она у тебя художественный эксперт?

- Нет, она снимает сериалы для телевидения.

- Видимо, ей хочется, чтобы ты жила по ее сценарию. Интересно, из каких книг по воспитанию родители берут все эти трюки?

Лорен засмеялась, испытывая удивительную радость от бунтарства.

- Мама нас любит, но иногда перебарщивает. Она всегда уверена в своей правоте. Сестре с этим проще - у нее мозг размером с планету, и училась она лучше всех, что в школе, что в универе. А я постоянно ссорилась с мамой, пока она не разрешила мне поступить в художественный колледж. Мы с ней слишком разные: я глупенькая и влюбленная в искусство, а она пробивная и целеустремленная. - Лорен замолчала. - Очень грубо с моей стороны так о ней отзываться. Все стало не так плохо, когда я уехала из дома. Да и мама всегда выручает, если мне не хватает на аренду. А твоя мама какая?

Дэн ухмыльнулся:

- Судя по всему, полная противоположность твоей.

Он рассказал, что его мама - самая обыкновенная, никогда не вмешивалась в его жизнь, если видела, что он счастлив. Благодаря ей вся семья держалась вместе, и именно поэтому новость о ее раке груди стала для них большим ударом. Он младший из трех сыновей и, когда ей поставили диагноз, он еще был студентом. Отец не справлялся, поэтому Дэн взял академический отпуск на год, чтобы приглядывать за ними. Он потерял лицо, будто пытаясь стереть воспоминания.

- Она прошла через операцию и химиотерапию, последний год в ремиссии, но опухоль оказалась очень агрессивной, так что вполне вероятно, что болезнь вернется, - сказал он, и его зрачки сузились. - Мы воспринимаем родителей как должное, а потом что-нибудь случается, и ты вдруг осознаешь, что они не вечны. Пришлось очень быстро повзрослеть.

- Какой кошмар, - сказала Лорен. Глаза пощипывало от накатывающих слез.

- Да уж.

Они смотрели друг на друга не отрываясь.

– Отец моего папы умер, когда ему было семь, и его мать сказала, что отныне он глава семьи.

– Ничего себе, как можно говорить такое маленькому ребенку?

– Мама говорит, что со смертью отца в нем тоже что-то умерло, и, мне кажется, на него это очень сильно повлияло. Он очень закрытый и сдержанный человек. Ему пришлось самому разбираться, как быть отцом, потому что не с кого было брать пример.

– Ужасно. Тогда мне вообще грех жаловаться – оба родителя живы, – сказал Дэн. – Прости, не знаю, как мы пришли к этому разговору. Давай сменим тему.

Обсуждение перетекло в более спокойное русло: выяснилось, что они оба любят техно, Гластонбери и бразильскую еду. Дэн признался, что обожает спорт и с детства болеет за футбольный клуб “Астон Вилла”. Он вырос в Мидлендсе, его отец работал на британскую железнодорожную компанию, а мать подрабатывала в школьной столовой. Он подшучивал над Лорен за то, что она из среднего класса, что родилась и всю жизнь прожила в мегаполисе на юге страны – по факту, в роскоши. В свою очередь Лорен заметила, что вообще-то жила так на птичьих правах. Дэн засмеялся: она даже не представляет, в каких условиях живет большая часть страны, и отныне его долг – раскрыть ей глаза. Теперь никаких винных баров: пиво и самая простая еда из дешевеньких пабов нравились ему гораздо больше.

Довольно быстро они стали парой. Родители Дэна отнеслись к Лорен даже слишком дружелюбно, но она почувствовала их удивление – даже намек на разочарование – и полюбила его за это еще сильнее. Он все время ее смешил, и, находясь с ним рядом, она могла по-настоящему расслабиться и быть самой собой. Он никогда не заставлял Лорен сомневаться в своей преданности и после свадьбы предложил ей поменьше преподавать и побольше заниматься творчеством. Пока шло лечение от бесплодия, в их паре царил полное взаимопонимание: они уверенно двигались вперед, поочередно поддерживая друг друга, и поэтому его недавняя перемена во взглядах вызывала такую тревогу.

* * *

Как только Дэн вернулся с работы, Лорен рассказала ему о предложении Алекс. Он ответил довольно осмотрительно: сказал, что есть плюсы и минусы, на обдумывание которых ему потребуется пара дней. Они часами топтались на одном месте, обсуждая деньги, планы и кандидатуру Алекс, но тут у Лорен закончилось терпение, и она обвинила мужа в том, что он хочет лишить ее последнего шанса на материнство. В конце концов Дэн сдался.

В тот же вечер перед сном Лорен написала Алекс:

Дэн в восторге, попросил

тебя поблагодарить. Нужно

еще обсудить пару моментов,

но мы точно хотим рискнуть!

Спасибо!!!! Моя самая лучшая,

любимая сестричка! Целую!!!!

Она погасила свет и увидела перед глазами картину, которую представляла себе последние шесть часов: они стоят в родильной палате американской клиники, и Алекс с последним усилием и победным криком производит на свет их малыша. Улыбаясь, она откидывается на подушки, а акушерка вручает Лорен малыша и помогает Дэну перерезать пуповину. Все трое не могут оторвать глаз от ребенка и плачут от счастья. Потом в палату заходят Рут и Адам, приветствуя первого внука. Впервые после выкидыша Лорен мгновенно погрузилась в глубокий сон.

На следующее утро Алекс позвонила Рут на работу и рассказала их план.

Рут была в шоке:

– Алекс, ты уверена?!

– А почему нет? Если они быстро выберут клинику и прилетят сюда вместе со своими эмбрионами, я смогу забеременеть еще до конца года.

– Замечательно, что ты хочешь помочь сестре, но беременность – очень ответственный шаг. Мне было хорошо – оба раза, – но без вашего отца я бы не справилась, а ты будешь совсем одна.

– Я думала об этом, – ответила Алекс. – Но мне так хочется помочь Лорен. Меня ужасно мучает совесть: пока она проходит через весь этот ад, я живу своей счастливой, беззаботной жизнью. Думаю, так мы восстановим справедливость. Да и все друзья будут в таком восторге, что ни на шаг от меня не отойдут: будут все время массировать спину, поить травяным чаем и трястись надо мной, будто я необычайно редкая зверюшка из заповедника.

– Ты уверена, что будешь в порядке?

– Лорен тоже об этом беспокоится. Я пока не ходила к врачу, но в интернете пишут, что процедура не такая уж и сложная. Столько женщин через это проходят!

Пока Алекс описывала процесс, Рут ввела в поиске: “Суррогатное материнство сестра замороженные эмбрионы”. На экране компьютера высветилось множество статей и картинок.

– Ничего себе! Я вот сейчас смотрю... Столько историй и фотографий...

– Об этом я и говорю.

Кажется, Алекс уже все продумала: она будет работать всю беременность, и ей не придется брать много отгулов, потому что всего в нескольких минутах езды

от нее есть несколько клиник. Она была уверена, что начальство ее поддержит – некоторые сотрудники компании уже воспользовались услугами суррогатных матерей. И все же Рут что-то беспокоило. Она напечатала: “требования к суррогатным матерям” и просмотрела результаты поиска.

– Алекс, прости, но твой план вряд ли сработает: я сейчас смотрю условия на британском сайте суррогатного материнства, и тут написано, что выносить чужого ребенка можно только в том случае, если у тебя уже есть свой, что, если подумать, вполне логично.

– Здесь с этим точно проблем не будет, – усмехнулась Алекс. – Это же Америка, самое ярое и беспринципное воплощение капитализма. Суррогатное материнство – это бизнес, тоже есть продавцы и покупатели. Клиент всегда получает то, что хочет, и обычно здесь меньше ограничений. Но на всякий случай я позвоню завтра в несколько клиник и уточню.

– И тогда я перестану волноваться. Солнышко, я так тобой горжусь. Ты молодец, что предложила свою помощь. Лорен, наверное, вне себя от счастья?

– Скажем так, она немного повеселела, когда убедилась, что я не шучу.

* * *

Вместо того, чтобы обзванивать агентов и режиссеров, как она и планировала, Рут весь день читала про женщин, которые родили детей для своих бесплодных сестер. Невероятно увлекательные истории о том, как они жертвуют своими телами и меняют жизни родных. Просто невозможно оторваться. Алекс права – это идеальный вариант. Как же это будет замечательно: дочери справятся с этим вместе и наверняка сблизятся еще больше. Может быть, когда ребенок родится, Алекс даже решит вернуться в Лондон, поближе к племяннице или племяннику. Так будет лучше для всех. Рут не останется в стороне: как и в случае с ЭКО, она узнает все самые современные методы и найдет самых квалифицированных специалистов. В интернете она подобрала несколько клиник возле дома Алекс и решила выяснить, какие из них отдают предпочтение передовой медицине, а не роскошным палатам и залам ожидания. А затем, чтобы быть уверенной на все сто, просмотрела все инструкции для будущих суррогатных матерей. К своему сожалению, она оказалась права: везде было написано, что нужна как минимум одна беременность, прошедшая без осложнений. К тому же будущая

суррогатная мать должна постоянно проживать в США. Алекс не подходит сразу по двум параметрам.

Рут схватилась за голову: Лорен ждет еще один удар, последняя надежда испарилась. Почему все обстоятельства этого мира всегда против нее? Ей становится все хуже и хуже. Рут испугалась, что однажды у нее случится нервный срыв. Сначала она решила позвонить Алекс и рассказать ей, а потом приехать в Брокли, чтобы быть рядом с Лорен, когда она об этом узнает. Но все же Рут решила, что не стоит вмешиваться. Они обе огорчатся, и пусть лучше Алекс поддержит Лорен: ей будет проще подобрать нужные слова и не настроить сестру против себя.

Рут уставилась в экран: она просто обязана что-то сделать. Должен же быть какой-то выход! Она сосредоточенно нахмурилась: нужно найти женщину – здоровую, ответственную и надежную, – которая уже обзавелась детьми и согласится родить еще одного ребенка для Лорен. Нужно вспомнить всех знакомых. Кто-то же должен быть! Неожиданно Рут почувствовала, как в глубине ее разума возникла идея и поднялась на поверхность – вот она, почти осязаема. Рут призадумалась и медленно напечатала: “бабушка суррогатная мать”.

Их были сотни – женщин всех возрастов, которые родили для своих детей и рассказывали об этом в телеинтервью, в эксклюзивных материалах таблоидов и в книгах, которые распродаются как горячие пирожки в каждом супермаркете. Больше всего таких историй из Штатов, но есть несколько случаев и из Британии. Некоторым женщинам было по шестьдесят или даже по семьдесят лет. Схема кажется очень простой: несколько месяцев гормонального лечения заставляют биологические часы возрастных суррогатных матерей идти вспять и готовят матку к появлению в ней эмбриона, которого подсаживают туда с помощью быстрой операции, которая даже не требует анестезии. Таблоиды называли суррогатных матерей “пузомамочками” и “наседками”: как курочки, они откладывают яйца, высиживают их и отдают малыша родителям, как только он вылупится.

Вечером того же дня, пока Адам совмещал ужин с рабочей встречей, Рут устроилась поудобнее на кухонном диване с айпэдом в руках и погрузилась в мир суррогатного материнства. Она невольно всхлипывала, смотря американские дневные телешоу, в которых героические пятидесяти- и шестидесятилетние женщины сидят рядом с сыновьями и дочерьми,

укачивающими своих чудо-деток. Кадры, запечатлевшие их беременность, служат доказательством того, что им полностью удалось вернуть себе удивительную способность к деторождению. Рут была потрясена их счастливыми лицами, сияющими глазами и поразительной силой. “Интересно, каково это вновь получить способность к деторождению и привнести в мир новую жизнь?” – думала она. Благодарные родители благоговейно кладут руки на раздутые животики бабушек, теряя дар речи перед лицом безмерного великодушия. Ведущие ток-шоу не могут сдержать слез, глядя на мониторы. Несомненно, это триумф науки и альтруизма – разве может что-то вдохновить сильнее?

Рут высморкалась и включила режим исследователя: просмотрела блоги, присоединилась к обсуждениям в чатах и прочитала последние новости о суррогатном материнстве. Ее накрыло волной радостного нетерпения: ребенок перевернет жизнь Лорен, и именно она может ей его подарить. Она готова пойти на жертвы, и ей показалось, что это цель всей ее жизни. А еще в процессе поисков Рут выяснила, что в субботу на другом конце Лондона начнется конференция, посвященная деторождению. Специалисты из Великобритании и со всего мира нахлынут в маленькие залы, чтобы пообщаться с глазу на глаз, ведущие эксперты в области фертильности продемонстрируют последние разработки, а на научных семинарах будут затронуты все аспекты лечения. В программе также запланировано обсуждение постменопаузальных родов и суррогатного материнства. Рут загорелась желанием посетить конференцию, но, заглянув в записную книжку, вспомнила, что согласилась поехать на холм Саут-Даунс, чтобы совершить шестичасовое восхождение, о котором Адам так долго мечтал. Она уже переносила эту поездку, поэтому в этот раз отказаться от нее невозможно.

* * *

Звонок Алекс ударил по Лорен едва ли не сильнее, чем очередной выкидыш. Когда плакать уже не было сил, она позвонила Дэну.

– Привет, – сказал он тихо и неуверенно: в офисе открытая планировка, а голос Лорен в трубке может оказаться любой громкости и интенсивности. – Как ты там?

– Алекс не сможет быть суррогатной матерью, потому что у нее нет детей и она не гражданка США. Она обзвонила кучу клиник – везде одно и то же!

– Ясно.

Лорен ждала, что он скажет дальше.

– Дэн?

– Я иду на лестницу, там сможем нормально поговорить... Все, я здесь. Прости, Лори, представляю, как тебе больно... – Он немного замешкался. – Но может, это к лучшему?

– Ты сказал “к лучшему” или я не расслышала? Если так и сказал, то...

– Пойми меня правильно, – перебил он, – мне тоже плохо, просто я хотел сказать, что... Может, не стоит вмешивать в эти дела родственников?

– Ну и что нам теперь делать?

Дэн вдохнул.

– Мы потеряли ребенка меньше недели назад, и я чувствую себя так, будто меня грузовик переехал. Пока что я не знаю, что тебе ответить.

– Если мы не сможем иметь детей, я не выдержу.

– Лори, мы же друг друга отлично понимаем в принципе, но...

– Правда, Дэн. Я уже всерьез подумываю о краже, и меня это пугает...

– Так, успокойся, – Дэн заговорил медленно. – А теперь сделай глубокий вдох и потяни браслет. Давай вместе: вдо-о-ох, раз, два, три. Вы-ы-ыдох, раз, два, три...

Несколько минут они дышали одновременно, пока Дэн не услышал, как Лорен вздохнула.

- Лучше? - спросил он.

- Да.

- Мы справимся, обещаю.

- Знаю, - ответила Лорен. - Прости, что сорвалась на тебя.

- Мне пора, - сказал Дэн. - Меня ждут в переговорной, больше не могу задерживаться. Все будет хорошо, Лори. Мы столько всего вместе пережили и стали только сильнее. Помни об этом и жди, я скоро приеду.

* * *

После очередного дня поисков в интернете Рут поняла, что конференция по деторождению - возможность, которую ни в коем случае нельзя пропустить: там она раз и навсегда узнает, сможет ли помочь Лорен. Адам не в восторге от идеи суррогатного материнства и решит, что это полнейшее безумие, поэтому, пока ничего не известно наверняка, не стоит его в это посвящать. Когда в пятницу вечером он пришел домой, она решила немного приврать для его же блага.

- Дорогой, прости, но завтра мне очень нужно на работу, - чтобы заглушить чувство вины, она разбавила ложь каплей правды. - Американские продюсеры хотят внести кучу изменений в ту версию "Боли", которую мы сняли для Би-би-си. Белла как раз сейчас этим занимается. Аня из Лос-Анджелеса требует новую заставку к каждому эпизоду, и мы сильно рискуем выйти из бюджета, если я не вмешаюсь. Прости, мне очень жаль.

Адам снисходительно посмотрел на нее и ответил:

- Не переживай, я почти не сомневался, что так и будет. Каждый раз, когда ты говоришь, что все закончила, появляется что-то еще. Да и в любом случае лучше поехать туда весной, когда дни длиннее, чтобы не пришлось слишком рано вставать.

– Спасибо, любимый. – Рут понадеялась, что ее улыбка выглядела скорее печальной, чем кривой. – Так не хочется от тебя уезжать.

– Не волнуйся, – подбодрил ее Адам. – Я как раз займусь садом, подрежу все кусты, а в награду за свои труды посмотрю выездной матч “Арсенала”, – сказал он и поцеловал Рут в лоб. – Если вернешься ближе к вечеру, я закажу столик у Рави, а то мы с тобой сто лет не общались как следует.

* * *

Субботним утром Рут отправилась в Доклендс. Поезд был переполнен. Присоединившись к толпе людей, она вышла из метро и устремилась к конференц-залу. Вокруг нее были сплошные парочки, почти все они держались за руки. Возле входа стояла табличка с надписью: “Не фотографировать”. Перед Рут открылся целый мир, таинственный и скрытый от посторонних глаз. И она, будто частный детектив, приготовилась расследовать смутное будущее, возможно, ожидающее ее. Количество людей поражало: залы, в которых проходили семинары, были набиты битком, к стендам репродуктивных компаний со всего мира, где они продавали свои услуги, выстроились очереди.

Консультант в малиновом платье с глубоким вырезом и туфлях на шпильке перегородила Рут дорогу, предлагая бокал шампанского и пиалу с оливками. Она представляла крупную барселонскую клинику, рекламный стенд которой обещал отличное соотношение цены и качества, полную конфиденциальность и последние научные достижения, однако, когда Рут описала свою ситуацию, женщина отпрянула.

– В Испании, как и в большинстве европейских стран, суррогатное материнство запрещено.

– Почему? – удивилась Рут.

Женщина пожала плечами.

– Наверное, у нас другой менталитет. Суррогатное материнство считается неэтичным, потому что это использование женского тела. К тому же это неестественно и может иметь ужасные последствия, – сказала она и

неодобрительно сжала глянцевые губы. – Мы предлагаем только ЭКО, но вам оно не подойдет.

Рут покраснела и отошла. К счастью, остальные представители оказались более дружелюбными: Кипр, Россия и Украина заинтересовались ее случаем. Взяв пачку брошюр, она подошла к стенду одной из ведущих лондонских клиник. Специалист в идеально сшитом двубортном костюме, явно говорившем о том, что его владелец уже много лет одевается только у портных, негромко общался с женщиной лет сорока. Рут не слышала, о чем они говорили, но эмоции были вполне ясны: тревога и сомнения против вкрадчивых доводов и мягкого убеждения. Доктору с серо-стальными кудрями и очками в серебряной оправе было около шестидесяти.

Наконец он повернулся к Рут и сказал:

– Мадам, прошу прощения, что заставил вас ждать. Чем я могу помочь?

То ли итальянец, то ли грек с манерами самого очаровательного метрдотеля.

– Моя дочь не может выносить ребенка, но у них с мужем остались замороженные эмбрионы после ЭКО. Скажите, пожалуйста, смогу ли я стать для них суррогатной матерью?

– Мадам, извините за нескромный вопрос, но могу ли я поинтересоваться, сколько вам лет?

– Всего-то пятьдесят четыре.

Доктор удачно изобразил галантное удивление, которое затем сменилось драматичным огорчением.

– К сожалению, у нас ограничение по возрасту пятьдесят один год. Раньше порог был выше, но его пришлось снизить из-за различных рисков для матери и ребенка.

– Но я знаю случаи, когда женщины за семьдесят рожали и выживали. О каких рисках может идти речь, если я полностью здорова и в отличной форме?

– Обычно во время беременности объем крови в теле женщины увеличивается на пятьдесят процентов, однако у пожилых людей стенки сосудов порой недостаточно эластичны – мадам, я говорю в том числе и о своих сосудах, – сказал он, подмигнув Рут, чтобы немного ее подбодрить. – Безусловно, я гораздо старше вас, но все мы с возрастом потихоньку теряем гибкость. Если же крови будет недостаточно, развитие ребенка остановится.

– Значит, мне придется ехать за границу?

– Я такого не говорил, мадам, – ответил врач и лукаво посмотрел на нее. – В каком возрасте у вас была последняя менструация?

– В пятьдесят два.

Он задумчиво почесал подбородок.

– Это может сыграть вам на руку: обычно менструации прекращаются в пятьдесят один, – доктор взял Рут под локоть и понизил голос. – Никому не говорите, что я вам это сказал, но в более мелких лондонских клиниках, вдалеке от Харли-стрит, требования... чуть мягче, если можно так выразиться. Попробуйте позвонить туда, вся информация есть в интернете. – Он отпустил ее руку и посмотрел прямо в глаза: его лицо вдруг сделалось серьезнее, но взгляд был полон заботы. – Шансы есть. Желаю вам и вашей дочери всего наилучшего.

– Большое спасибо! – воскликнула Рут и невольно расплылась в улыбке.

“Шансы есть”, – отозвался в ее голове голос доктора.

* * *

Весь день она слушала лекции о беременности во время и после менопаузы, о роли гормонов в поддержании функционирования матки в зрелом возрасте и о методах, которые призваны помочь лабораторному эмбриону закрепиться в утробе. Рут старалась записывать все, что слышала, и с каждым выступлением воодушевлялась все больше: выносить ребенка в пятьдесят четыре года показалось не просто возможностью, а вполне обычным делом. Перед отъездом она проскользнула в аудиторию, где проходил семинар по правовым аспектам

суррогатного материнства. Серьезный адвокат центра репродуктологии описывал процедуру передачи родительских прав от суррогатной матери к нанявшему ее человеку или паре. Предполагаемые родители, то есть биологические мать и отец, подали заявление в суд, чтобы их признали законными родителями ребенка. До тех пор пока судья не удовлетворит ходатайство, законными родителями считаются суррогатная мать и ее муж, если он есть, и в этом случае им обоим необходимо дать согласие на передачу прав. Рут почувствовала внутреннюю дрожь от волнения: получается, Адам должен быть с ней заодно. Он точно будет против, она это понимала, поэтому нужно его уговорить, пока он сам обо всем не догадался.

Затем последовала череда душераздирающих историй о том, как пары-наниматели расставались во время беременности и оставляли ребенка суррогатной матери, как родителям, заключившим контракт с иностранкой, не разрешили забрать детей, о суррогатных матерях, которые отказывались отдавать новорожденных и требовали выкуп. Адвокат предупреждал, что суды часто обеспокоены тем, что из детей делают товар, и рекомендовал обеим сторонам обратиться к независимым юридическим консультантам и во избежание возможных проблем заранее составить соглашение, которое не допускало бы двоякого толкования. Рут сделала заметку, а затем зачеркнула написанное: договор им не понадобится, а всю бумажную работу возьмет на себя Адам – таким образом они смогут снизить расходы.

Адвокат строго окинул взглядом собравшихся людей.

– Если вы рассматриваете суррогатное материнство, настоятельно рекомендую вам ознакомиться с соответствующими законами той страны, в которой вы намереваетесь заключать соглашение. Но самое главное – тщательно выбрать суррогатную мать и выстроить с ней доверительные отношения, – сказал он и переключил на последний слайд презентации, где крупными буквами было написано:

**ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ РОДИТЕЛЯМ И СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ НЕОБХОДИМО
СФОРМИРОВАТЬ ПРОЧНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ДОВЕРИЯ**

Рут закрыла блокнот и нахмурилась: ее отношения с Лорен далеки от идеала. Над этим придется поработать. Но сложнее всего будет найти подходящую

клинику с “мягкими требованиями”. Со стаканчиком кофе она села в тихий уголок комнаты отдыха, достала планшет и нашла список репродуктологических клиник в Лондоне. Некоторые из них работали по субботам. Рут выбрала одну, позвонила туда и объяснила свою ситуацию, стремясь показаться бодрой, здоровой и молодой женщиной.

Ответ звучал неутешительно: “У нас возрастное ограничение пятьдесят один год. Но я уверена, что мы сможем помочь вашей дочери. Если она захочет попасть на прием...”

Рут обзвонила весь список, но везде слышала одно и то же.

“Нет. Все наши пациентки должны быть моложе сорока шести. Женщины старше обычно едут за границу, там клиники не настолько избирательны...”

“Мне жаль вам отказывать, но таковы правила комитета по этике. Они учитывают вероятность успеха и риски для суррогатной матери и ребенка... Нет, мы не можем сделать исключение, ни при каких обстоятельствах”.

И вдруг, два стакана кофе спустя, она выиграла джекпот: клиника Маринелла. Иногда они принимают женщин в возрасте, если доктора уверены, что беременность с большой долей вероятности будет протекать нормально. Но пятьдесят четыре года – предел: пациентки должны успеть родить до пятьдесят пятого дня рождения.

Рут быстро подсчитала: на лечение и беременность уйдут одиннадцать с половиной месяцев – можно успеть.

– В таком случае я бы хотела как можно быстрее попасть на прием к самому опытному специалисту. Не могли бы вы меня записать?

Администратор ответила, что для начала родители-заказчики и потенциальная суррогатная мать должны записаться на первичный прием к медсестре.

– А когда это можно сделать?

– Как раз отменился прием в половине четвертого в понедельник.

– Мы придем, – сказала Рут. Если Лорен и Дэн откажутся, запись можно будет отменить в любой момент.

Домой Рут ехала в приподнятом настроении: прекрасный рабочий день. Но она понимала, что слишком уж надеяться не стоит, ведь ее физическое состояние может оказаться неудовлетворительным, или риски будут слишком высоки. Это всего лишь возможность, которую стоит проверить, вот и все.

Телефон завибрировал – сообщение от Шейлы:

Куда пропала? Твой

подарок все еще у меня!

2 недели назад обещала

написать, когда и где

встретимся. Все хорошо?

Целую, Ш

Прости, была жутко

занята. Столько новостей!

Целую!

Ооо! Можешь говорить?

Шейла была единственным человеком на планете, которому Рут могла доверять. Ей вдруг ужасно захотелось прямо сейчас набрать ее номер, но она смогла подавить этот порыв. Заглянув в ежедневник, Рут ответила:

Нет, да и в двух словах

не расскажешь (честно).

Вы с Саймоном свободны

через неделю в субботу?

Сходим поужинать?

Тогда все и расскажу

Заинтриговала! Тогда

увидимся, жду не дожжусь.

Чмоки-чмоки

6

Тем же вечером в восемь часов Адам и Рут, держась за руки, шли в любимый индийский ресторан, куда они ходили уже много лет. Тайные волнения, которые они оба лелеяли, разжигали голод. С тех пор как они впервые зашли туда в середине восьмидесятых, помещение ресторана ничуть не изменилось: все те же красные бархатные шторы, флокковые обои, в зеленоватых стаканах с толстыми стенками хлопковые салфетки в виде бутонов. Даже запах тот же:

специи, растительное масло и освежитель воздуха. Зал был полон, но Рави, семидесятилетний владелец заведения, раздобревший от достатка, встретил их как родных и проводил за столик в самом центре. Обслуживали очень долго, и когда официант принес закуски, они допивали уже вторую бутылку “Кингфишера”.

– Как работа? – поинтересовался Адам.

– Ой, да все как обычно, – смущенно ответила Рут.

Больше всего на свете ей хотелось сказать правду – и сдержаться было непросто, потому что они привыкли доверять друг другу. Она мечтала объяснить, как можно помочь Лорен и все исправить. Адам должен узнать, на какие жертвы она готова пойти, его одобрения безумно не хватало, но еще не время.

Чтобы отвлечься, Рут перенесла все свое внимание на Адама. А что у него с работой? Счастлив ли он? Чувствует ли, что развивается? К чему стремится?

Адам вдруг осознал, что женился на потрясающей женщине: она всегда его понимала и чувствовала, если что-то не в порядке. Рут наклонилась к нему, безмолвно спрашивая и уже зная ответ, она ждала, что он скажет. Адам улыбнулся.

– В двух словах?

Рут кивнула.

Адам выдержал паузу и отхлебнул глоток пива.

– Месяца через два-три будут отбирать окружных судей, и я, наверное, подам заявку.

Рут чуть не подскочила от удивления. Адам всю жизнь презирал коллег, готовых променять азарт ораторских выступлений перед присяжными на куда более скучное сидение в судейском кресле. “Они падают в обморок от жара кухни, зато часами торчали бы за столиком, обливая грязью поваров”, – поговаривал он.

Ради опыта Адам какое-то время проработал мировым судьей с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам, но быстро понял, что скучает по пламенным речам в суде.

- Почему ты вдруг об этом задумался?

Адам ответил, что достаточно давно размышлял над этим решением, потому что его доходы продолжали падать: сейчас он зарабатывал меньше, чем пятнадцать лет назад. И он был далеко не единственным, с кем это произошло. Сокращение бюджета на юридическую помощь и снижение стоимости услуг говорит о том, что все больше адвокатов по уголовным делам спешно переквалифицируются в судей. Джулиус Мандер, друг Адама и член одного из комитетов по назначению судей, предупредил его о начале набора, решив, что для Адама сейчас самое подходящее время и ему пора решаться. Они познакомились еще в студенческие годы, и Джулиус, став успешным специалистом по коммерческому праву, превосходно оценивал состояние юридической индустрии, поэтому Адам в принятии важных решений всегда ориентировался на него.

- Он предупредил, что над заявкой придется попотеть, но, по его мнению, моего опыта и репутации вполне достаточно для этой должности, - сказал Адам, криво улыбнувшись. - Посмотри правде в глаза: ты уже несколько лет практически в одиночку обеспечиваешь семью, и это неправильно. А так я могу рассчитывать на стабильную зарплату и приличную пенсию.

Рут была в сомнениях:

- Это не стоит того, чтобы бросать любимую работу ради той, где ты умрешь со скуки. Мы что-нибудь придумаем.

- Дело не только в деньгах - все уголовное право трещит по швам.

Облокотившись на стол, Рут подалась вперед и вгляделась в его лицо.

- Разве не лучше остаться и помогать системе становиться лучше? Ты же сам с такой уверенностью об этом говорил! - Упорство было одним из тех качеств, которые она в нем очень ценила и уважала.

– В принципе, я и сейчас так думаю, но весь процесс постепенно превращается в фарс, а я разочаровываюсь все сильнее и становлюсь таким же циником, как все остальные. Непросто сохранить чувство собственного достоинства, – ответил Адам и взял Рут за руку. – Я правда всегда в это верил, но теперь мое мнение меняется. Так что скажешь?

– Если ты перестал быть счастливым, тогда надо уходить – я не сомневаюсь, что тебя возьмут. Но, в конце концов, решать тебе.

– Нет, это должно быть совместным решением, – возразил Адам, – потому что оно касается нас обоих. Если я стану судьей, то и тебе будет полегче, ведь мне больше не придется работать по ночам. – Он поцеловал ей руку и робко добавил: – Может, у нас даже появится больше общих занятий. Будем путешествовать или откроем свой бизнес. По-моему, сейчас самое время. Как думаешь?

Он смотрел на нее и ждал ответа.

Его слова тронули Рут: она почувствовала, как ее сердце дернулось, будто оно слегка наклонилось в сторону и тут же вернулось на место – никто, кроме Адама, не вызывал у нее таких ощущений. Она хотела воскликнуть: “Да, конечно, любимый, так и сделаем!”, – но его внимательное отношение к ней и нежная уверенность в их взаимности смутили ее. Ей стало так стыдно за собственную ложь и тайные консультации со специалистами, что она выпалила:

– Да боже ж мой, мы свободные люди! Делай, что считаешь нужным!

В глазах Адама на мгновение промелькнули удивление и боль, но тут же исчезли.

Рут закрыла лицо руками:

– Прости, прости, я не хотела!

– Не нужно извиняться, – ответил Адам, сосредоточенно разламывая пападам на мелкие кусочки. – Я просто хотел узнать, что ты думаешь, – продолжал он, внимательно рассматривая остатки лепешки. – Кажется, теперь мне все ясно, –

произнес он и замолчал. Рут убрала руки от лица, и их взгляды встретились. – Спасибо за откровенность.

Какое-то время они ели в тишине. Затем Адам нарушил молчание:

– Алекс звонила, пока тебя не было. Ты знала, что она предложила Лорен родить для нее?

– Да.

– А мне не сказала, – упрекнул ее Адам, но Рут заранее отправила в рот целую ложку риса с далом. – Оказалось, что у Алекс ничего не выйдет, и теперь Лорен в отчаянье.

Рут показалось, что это отличная возможность начать разговор.

– Может, им стоит поискать другую суррогатную мать? – неуверенно начала она.

Адам опустил вилку и нож на тарелку.

– То есть ты считаешь, что это нормально?

– Я понимаю твои сомнения, но, если Лорен и Дэн этого хотят, мы должны уважать их выбор, – сказала она и, выдержав паузу, аккуратно продолжила: – Нам только и остается, что поддержать их.

Адам удивленно поднял брови.

– Ты вообще представляешь, каким кошмаром это может обернуться для всех нас? И моральным, и этическим.

Рут поняла, что ее резкость спровоцировала агрессию с его стороны, но не собиралась на этом останавливаться:

– Ты сразу переходишь в режим перекрестного допроса, поэтому мы и не можем обсуждать с тобой подобные темы, как это делают все нормальные люди. – Она

понимала, что теперь уж точно стоит замолчать, но желание отстаивать свою идею пересилило разум: – Тебе даже в голову не пришло, что суррогатное материнство – это милосердный и великодушный подвиг, который меняет жизнь бездетных пар. Настоящий альтруизм!

Адам фыркнул:

– В отличие от омерзительной сделки, когда женщина продает свое тело тому, кто больше заплатит, а потом делает детей на заказ?

– В бедных странах, куда толпами валят больные бесплодием, такое действительно случается, но я-то говорю про добровольное суррогатное материнство здесь, в Лондоне.

– Тогда почему оно полностью запрещено во многих развитых странах? Наверное, потому, что там знают о существовании моральных и биологических запретов, нарушать которые опасно! Иногда нужно просто принять ограничения нашего тела, а не вмешиваться в подобные дела, когда предугадать все последствия просто невозможно.

Терпение Рут лопнуло.

– Ты можешь хоть раз отступить от своего католического бреда?! Наша дочь пойдет на все ради ребенка. Ты даже представить себе не можешь, насколько тяжело противостоять этому желанию!

Адам смотрел на нее с нескрываемым отвращением.

– Но если необходимо, то это желание можно преодолеть. Некоторые женщины ведь так и делают, да, Рут?

Он пересек черту, которую они молча обходили годами.

– С меня хватит!

Она встала так резко, что ее стул пошатнулся и с металлическим лязгом рухнул на пол. Звук был настолько громкий, что все в зале замолчали и уставились на

них. Рут никак не могла попасть рукой в рукав пальто – ее колотило от ярости. Адам смутился и, подняв стул, положил руку на плечо Рут, одним жестом уговаривая ее сесть и прекратить устраивать цирк.

– Я не... – начал он.

Она оттолкнула его и прорычала:

– Убери руку! Меня от тебя уже тошнит! Ты как хочешь, а я уйду. Будь добр, не забудь расплатиться.

* * *

Вернувшись домой, Рут поднялась в гостевую спальню, рухнула на кровать и несколько минут делала дыхательные упражнения, пока сердце не перестало бешено биться. Перевернувшись на бок, она расслабила живот и представила, будто в нем ребенок. Чудесным образом зарождалась жизнь, постепенно набухать, давая зародышу расти, а затем выталкивать это визжащее, сморщенное существо на белый свет – вот на что было когда-то способно ее дряхлое тело. Она лелеяла воспоминания о беременности и о том, как новорожденные малышки жались к ней и тянулись к груди. Рут вдруг поняла, как сильно ей хочется вновь испытать эти чувства. Она выгнула спину и погладила округлившийся живот. Конечно, в прошлом есть вещи, о которых жалеешь – мечтаешь, чтобы их никогда не было, – но рождение ребенка к ним не относится. Если бы все получилось, суррогатное материнство могло бы стать радостью. И даже искуплением.

* * *

Одно из преимуществ большого семейного дома без детей состоит в том, что двое взрослых после ссоры могут жить отдельно, при этом наблюдая за действиями друг друга и стараясь лишней раз не пересекаться – так что Адам и Рут умудрялись избегать друг друга все воскресенье. В это время каждый из них прокручивал в голове вчерашний разговор в ресторане, правда, с некоторыми поправками: добавляя неопровержимые аргументы и искренние мольбы о прекращении спора, чтобы утвердить свое моральное превосходство и укрепить позицию. Обоим было одиноко. Рут проснулась рано и лежала с книгой.

Как только Адам отправился на еженедельный теннисный матч в парк Рэйвенскорт, она тут же позвонила Лорен.

- Доченька, ну как ты?

- Нормально, - монотонно ответила Лорен.

- Точно?

- Точно.

- Как-то не похоже. Дэн с тобой?

- Уехал на матч в Бирмингем.

- И оставил тебя одну?! - воскликнула Рут, не в силах сдержать возмущение.

- Мам, я сама отправила его развеяться, не можем же мы все выходные сидеть друг с другом в четырех стенах - как на пороховой бочке.

- Может, я заеду?

- С папой?

- Нет, он занят. Только я.

- Слушай, ты прости, но мне надо работать - сильно выбилась из графика. Я как раз собиралась идти в студию, так что давай как-нибудь в другой раз...

- Выезжаю, - твердо заявила Рут. - Я ненадолго.

* * *

Лорен открыла не сразу, и Рут, увидев дочь, не могла поверить своим глазам. Босая, в футболке наизнанку и в расстегнутых джинсах: очевидно, она впопыхах

накинула на себя одежду, услышав дверной звонок. Лорен сильно похудела, лицо болезненно осунулось, а кожа вокруг глаз опухла и покраснела. Она молча развернулась и пошла наверх, с трудом поднимая ноги. Рут последовала за ней. Дойдя до порога гостиной, они остановились. В комнате было душно и пахло затхлостью: шторы задернуты, в полумраке назойливо кружит жирная муха, повсюду валяются коробки из-под пиццы, а кофейный столик весь заставлен пустыми пивными банками и одноразовыми стаканчиками.

- Давай-ка я открою окна и немного тут приберусь, - засуетилась Рут.

- Не надо. Это Дэн оставил, потом уберет, - сказала Лорен и плюхнулась на диван, глядя прямо перед собой пустым взглядом, как будто центральный механизм, поддерживавший ее жизнь, вдруг сломался.

Рут старалась прощупать ее настроение, как сиделка - сварливого старика.

- Давай хотя бы чайку налью? Или приготовлю что-нибудь. Ты, наверное, со вчерашнего вечера ничего не ела?

- Не надо, спасибо, - Лорен говорила медленно и совершенно без эмоций. - Только, пожалуйста, хватит обо мне волноваться, а то я нервничаю.

Рут села рядом, решив не мозолить дочери глаза, и тихо сказала:

- Мне ужасно жаль, что Алекс не сможет тебе помочь. Такой самоотверженный поступок, представляю, как ты расстроилась.

Лорен резко повернулась к Рут и посмотрела ей прямо в глаза.

- Как ты узнала?

- Алекс звонила. Она не хотела тебя подвести и очень переживает. И я тоже.

Лорен промолчала.

- А что дальше? Есть какой-нибудь план?

– Нет никакого плана. У нас не хватит денег на американские клиники, даже на те, что подешевле, не в Калифорнии. Так что вариантов больше нет, – ответила Лорен, и на лице ее было написано полное смирение с судьбой.

– Мы бы тебе помогли, но с деньгами сейчас туго.

– Понимаю, мам, мы даже не думали у вас просить.

– В Британии тоже множество клиник суррогатного материнства, и здесь гораздо дешевле. Может быть... – начала Рут.

– Бесполезно, – покачала головой Лорен. – В Америке тысячи женщин, готовых стать суррогатными матерями, мы заключили бы договор и могли бы официально считаться родителями. У нас желающих немного, так что подходящую кандидатку мы можем ждать годами, а если и найдем – наш ребенок будет ее, потому что в Англии закон на стороне суррогатной матери. Она может передумать и оставить ребенка себе.

– А ты не хочешь рискнуть?

– Я не смогу потерять еще одного, лучше даже не пытаться. – Лорен отвернулась, и ее голос стих.

Рут почувствовала, как бьется ее сердце. Она сделала глубокий вдох и постаралась говорить обычным тоном:

– Может быть, ты согласишься, если я это сделаю? – Рут на мгновение заколебалась. – Ну, рожу для тебя...

– Мама! – Лорен выпрямилась и повернулась к ней: лицо скривилось, она едва сдерживала слезы.

Рут взяла ее за руку и сказала:

– Я провела небольшое исследование и выяснила, что матери действительно могут рожать для своих дочерей. В Штатах таких случаев предостаточно, да и у нас довольно много.

– Спасибо тебе большое, – сухо проговорила Лорен. – Я тоже слышала об этом, но в твоём возрасте уже слишком поздно – ни одна клиника в нашей стране не возьмётся. Да и слишком опасно для тебя самой и для ребёнка, я не могу подвергнуть тебя такому риску. Ты не рожала почти тридцать лет, вдруг что-то пойдёт не так...

Рут вдруг осознала, что Лорен уже давным-давно рассматривала её на эту роль – и отказалась. Она почувствовала прилив обиды и негодования, как пожилой претендент на какую-нибудь должность, которого, несмотря на отличное резюме, даже не пригласили на собеседование. Женщина-невидимка – снова!

– Неправда, не такая уж я и старая, – твердо отрезала Рут и вздохнула ещё раз. – Я разговаривала со специалистом: он уверен, что это возможно.

– В Лондоне? – уточнила Лорен. Теперь она была вся во внимании: сидела и смотрела на мать с приоткрытым ртом.

– Да, – ответила Рут, стараясь скрыть радостное возбуждение, – и я нашла клинику, в которой согласились меня принять.

– Правда?!

– Это в идеале, – быстро добавила Рут, чтобы не пробуждать в Лорен слепую надежду. – Мне нужно пройти несколько скрининговых тестов и успеть родить до следующего дня рождения.

Лорен кисло ухмыльнулась и снова откинулась на диван.

– Тогда забудь, – сказала она, – бесплодие лечится годами.

– А мы постараемся пройти ускоренный курс.

Лорен холодно посмотрела на Рут и сказала:

– Не хочу тебя обидеть, но вообще-то, если ты не забыла, я проходила через процедуру ЭКО, и, уверяю тебя, это не то же самое, что снять сериал для телика.

Все зависит от докторов, да и тело с эмбрионами расписания не придерживается. Здесь даже у тебя не выйдет все контролировать – хоть обкомандуйся, но за год не успеешь.

Рут поняла, что они обязательно поссорятся, если она не проявит терпение, и решила отступить.

– Дорогая, прости. Ты действительно в этом эксперт, и не мне с тобой спорить. Но тот специалист посчитал, что у нас есть все шансы уложиться в сроки. Учитывая, что раньше я была в состоянии родить, ребенка я вряд ли потеряю. И нет никаких сомнений в том, что денег вам хватит, поскольку я не возьму с вас платы, как не взяла бы Алекс. – Высказавшись, Рут откинулась на спинку дивана и пожала плечами, показывая, что ни на чем не настаивает. – Решать вам. Я ничего такого не планировала – просто подумала, что в этом вопросе стоит разобраться, вот и все.

Погруженная в свои мысли, Лорен медленно кивнула. Она признала, что попробовать стоит, но Дэн вряд ли согласится: у него и по поводу Алекс были сомнения.

– А уж чтобы теща родила тебе ребенка – такого и врагу не пожелаешь!

Они засмеялись, и напряжение между ними немного спало.

– Твой отец тоже вряд ли обрадуется, но мы ведь можем перетянуть его на свою сторону, правда? – сказала Рут и в знак материнской солидарности приобняла Лорен за плечи.

– Попробуем, – ответила Лорен, и Рут впервые с момента выкидыша увидела на ее лице улыбку. – Мам, мне все же кажется, что ты не представляешь, насколько все изменится. Когда проходишь через ЭКО, подстраиваешь под него все стороны жизни, а у тебя серьезная работа, бизнес – как же ты будешь все это совмещать?

– Милая, у меня сердце кровью обливалось: очень тяжело было видеть тебя в таком состоянии и думать, что ничем не можешь помочь. Я готова пойти на все, если есть хоть малюсенький шанс подарить тебе ребенка. И не беспокойся, я смогу спланировать рабочий график так, чтобы он вписывался в план лечения, –

уж в этом мне нет равных, сама знаешь.

Лорен бросилась на шею матери.

– Спасибо тебе за все: за то, что поняла меня, и за твое предложение. Шансы на успех микроскопические, но как же мне хочется верить, что все получится, – уткнувшись лицом в плечо Рут, она прошептала: – Люблю тебя, мам.

От приятной неожиданности Рут даже покраснела. Она никогда не чувствовала себя нужной Лорен, которая, в отличие от Алекс, всегда была достаточно сдержанной. Рут вдруг ощутила себя сильной и значимой – настоящей матерью, любимой. К глазам подступили слезы. Поглаживая Лорен по голове, она проговорила:

– И я люблю тебя. Поживем – увидим, но надеюсь, что мы справимся.

Рут рассказала, что записалась на первичный прием, и завтра они втроем с Лорен и Дэном должны на него явиться. Хотелось бы предупредить заранее, но, чтобы уложиться в сроки, действовать придется безотлагательно. Лорен засомневалась: значит, вечером ей придется поговорить с Дэном, как только он вернется из Бирмингема – уставший и, скорее всего, подвыпивший. Не самое лучшее время.

– Сейчас или никогда, – твердо заявила Рут. – Приготовь вкусный ужин, подробно расспроси о матче, а потом можешь рассказывать. Я оставляю вас наедине.

Обнимаясь с дочерью на прощание, Рут добавила:

– Все получится, милая. Я в тебя верю!

* * *

Вернувшись домой, Рут переделалась в спортивный костюм, надела кроссовки и отправилась на пробежку в Ричмонд-парк: за одиннадцать с половиной километров она настолько устала, что сил на навязчивые мысли совсем не осталось. Дул сильный ветер, и между деревьев прятались олени. Рут нравилось испытывать свое тело на прочность, чувствовать его выносливость и силу.

Ежедневные пробежки на протяжении многих лет помогли ей очистить разум и разобраться с задачами, которые поначалу казались неразрешимыми. Мантры, которые она придумывала и прокручивала в голове снова и снова, давали ей силы на то, чтобы справиться с проблемами на работе и конфликтами дома. Одна из них сейчас возникла сама по себе: “Я смо-гу”.

Слова возникли у Рут в голове и повторялись каждые три шага. Ее вдруг охватило невероятное ликование, как будто силы, порожденные новой энергией, стали совершенно безграничны – почти как в молодости. Все в ее руках: она убедит врачей ускорить лечение, перетянет Адама на свою сторону и – вдохновленная его любовью и поддержкой – до наступления своего дня рождения передаст малыша в руки Лорен.

Тем временем небо на западе предвещало закат, и золотистые облака сбивались в единую сверкающую глыбу. Рут бежала прямо к ней, представляя, что ждет ее впереди, с улыбкой встречая прохладный ветерок.

“Я смо-гу. Я смо-гу. Я смо-гу”.

После пробежки она зашла в кафе у поместья Пембрук-лодж, заказала чашечку горячего шоколада и устроилась на террасе с видом на долину Темзы, по которой река, будто стальная лента, вилась от Виндзора в Лондон. Рут проверила входящие сообщения – ни одного от Адама – и позвонила Белле, которая все еще была на работе.

– Как успехи? Аню все устраивает?

– Да это кошмар какой-то, – призналась Белла.

Рут услышала приглушенный зевок и мыслями оказалась в монтажной комнате: повсюду бумажные стаканчики с остывшим недопитым кофе и контейнеры с засохшей едой из доставки.

– Если хочешь, я приеду помочь. Привезу нормальный ужин и заменю тебя, а ты пока поешь и передохнешь немного.

– Нет-нет, – решительно заявила Белла, – лучше наслаждайся вечером с милашкой Адамом. Но знаешь что? Я буду очень признательна, если ты поговоришь за меня с Аней. Она мне уже названивала, и такими темпами я тут ночевать останусь. Может, тебе удастся убедить ее, что версия, которую я вам обеим только что отправила, полностью соответствует всем этим обширным – а точнее, чудовищно бесчеловечным – требованиям? К тебе она прислушивается гораздо чаще, чем ко мне.

– Конечно, за это даже не беспокойся, – ответила Рут.

Она была старше Беллы на десять лет, и поэтому ее решения имели больший вес в глазах гигантов индустрии, с которыми им периодически приходилось иметь дело.

– Кстати, как там Лорен?

Рут не знала, как ответить. Вся жизнь Беллы крутилась вокруг ее работы, довольно долгих отношений с одним мужчиной и ретро-спорткаров. Она не хотела иметь детей и за все время их с Рут знакомства проявляла сдержанный, ограниченный вежливостью интерес к проблемам Лорен.

– Я приезжала к ней сегодня – трудно сказать, ей то лучше, то хуже. Кстати, хотела тебя предупредить: я решила поработать завтра из дома, чтобы съездить с ней к врачу, – Рут говорила чистую правду, которая почему-то звучала, как ложь. Она вдруг заметила, что дрожит от холода. – Слушай, Белла, мне пора – я в парке, и тут довольно зябко.

Солнце садилось, и потускневший пейзаж окутали нити тумана. Рут поспешила к машине и поехала домой. Входная дверь была закрыта на два оборота – значит, Адам еще не вернулся. Она была в растерянности. Как только они помирятся и он будет в хорошем расположении духа, ей придется рассказать ему о своем решении и убедить его, что это дар, а не какое-то моральное извращение. Если есть хоть малейший шанс выносить ребенка для Лорен, то Адам должен быть рядом: без его поддержки – моральной и физической – она никак не справится.

* * *

Дэн вернулся только в половине одиннадцатого: поезд задержался из-за сбоя связи, поэтому домой он приехал уже протрезвевшим и ужасно голодным. Он был уверен, что Лорен спит, однако она дождалась его, а дом в ярком свете ламп сверкал чистотой. Стол был накрыт к ужину: Лорен поставила цветы и достала фарфоровый сервиз, который им подарили на свадьбу. Кроме того, она успела пробежаться по магазинам, чтобы приготовить пастуший пирог и шарлотку по рецепту его матери. Дэн совершенно такого не ожидал.

– Я уже и не помню, когда так вкусно ел! Правда! – говорил он, накладывая в тарелку третью порцию пудинга, и осторожно добавил: – Кажется, тебе уже лучше?

– Да, наверное. Просто появилась какая-то надежда...

– Отлично!

– Кстати, к нам мама забегала.

Дэн заметил, как она порозовела.

– Да? И что?

Лорен поерзала на стуле и сказала:

– Дэн, пожалуйста, не перебивай меня и подумай перед тем, как начать ругаться. Я решила сразу выложить тебе всю правду. Знаю, ты подумаешь, что я окончательно спятила – я и сама процентов на девяносто пять в этом уверена, – но у нас есть малюсенький шанс на то, что еще не все потеряно... Сначала я решила, что ничего не выйдет, и мама просто придумала очередную бредовую идею. Но потом я все обдумала как следует, почитала об этом в интернете и теперь хочу обсудить с тобой, так что, пожалуйста... – Она на секунду прервалась, чтобы перевести дыхание.

– Клянусь покойной матерью, что буду молчать, – сказал Дэн с нежной улыбкой. – Но пока что я даже представить себе не могу, о чем ты, так что, пожалуйста, продолжай.

Как только Лорен выпалила предложение Рут, Дэн скривился. От одной мысли о том, что ему придется сидеть в кабинете врача с женой и тещей и “обсуждать специфику”, как выразилась Лорен, его начало подташнивать. Это уже перебор. К тому же нет ни малейшего шанса, что Рут справится: проводить ЭКО в ее возрасте – пустая трата времени и денег.

– Ну, что скажешь? – с умоляющим взглядом спросила Лорен.

Дэн хотел ответить: “Ты серьезно?! Ребенок – наше личное, интимное дело. Я не позволю ей вмешаться и командовать нами. Нет, нет и нет! Ни за что! Разговор окончен!” Но вовремя понял, что действовать нужно осторожнее:

– Твоя мама очень заботливая, и я по-настоящему ценю ее предложение, но все же мне кажется, что это немного непрактично. – Подавшись вперед, он взял Лорен за руки. – Лори, – мягко продолжал он, – даже если у нее и получится, что, по-моему, крайне маловероятно, только представь, какие могут быть последствия от зачатия в ее возрасте, особенно такого резкого – всего за два месяца!

– Шансов почти нет, и я даже не...

– Тогда зачем вообще это обсуждать?

– Потому что это возможно! Помнишь, в последний раз в клинике нам говорили, что эмбрион не приживется, но у нас получилось! Прошу тебя, давай попробуем в последний раз!

От жалости сердце Дэна сжалось. В этот момент Лорен показалась ему такой хрупкой, и несмотря на свое отвращение к этой идее, сумасшедший план Рут, кажется, преобразил ее: может быть, все-таки стоит ей уступить? Он готов на что угодно, лишь бы она стала хоть капельку счастливее, да и теперь ей будет чем себя занять.

Дэн сжал ее руки и сказал:

– Давай поступим так: съездим завтра в клинику и послушаем, что там скажут. Пускай Рут пройдет несколько скринингов, а там посмотрим.

Лорен засияла от счастья.

– Но только при условии, что мы оба не будем воспринимать это как еще один цикл. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас чего-то ожидал и на что-то надеялся. А когда все закончится, мы возьмем перерыв на полгода, а лучше на год, чтобы как следует отдохнуть и сосредоточиться на долгосрочных целях, хорошо?

Лорен засмеялась и воскликнула:

– Да! Да! Да! Обещаю!

7

В понедельник в восемь утра Адам, уже в пальто, зашел на кухню и застал там Рут, которая сидела за столом, уткнувшись в экран ноутбука. Ее вид совершенно поразил его: она была в белой ночной рубашке до колен и с растрепанными волосами. Рут никогда себя так не вела и прекрасно знала, что подобные образы будоражат в нем болезненные воспоминания о болезни и смерти отца, когда привычная рутина разрушилась и жизнь вдруг замерла. Она даже прогоняла с его глаз долой Лорен и Алекс, если им вдруг хотелось днем побродить по дому в пижаме.

– Ты заболела? – спросил Адам, невольно пятясь к двери, словно боясь заразиться.

– Ты же знаешь, я никогда не болею, – бодро ответила Рут.

– Тогда почему ты не на работе? Что случилось?

– Я решила поработать из дома, так гораздо эффективнее, – сказала она, не отрывая взгляда от экрана. – В офисе постоянно кто-то отвлекает.

Адам подошел к столу и встал у Рут за спиной. Она тут же закрыла все вкладки, и единственное, что он увидел – была его собственная фотография на фоне рабочего стола. На ней ему чуть за двадцать, он одет в джинсовую рубашку и

темно-синие шорты. Стоя босиком на пляже, он держит на руках Лорен – пухленькую малышку, выглядывающую из-под синей панамки. Рядом с ним стоит Рут, которая уже довольно заметно беременна Алекс. Какой же она была невероятной: такая величавая, с прелестной улыбкой, словно богиня плодородия, купающаяся в солнечных лучах. Свободная и непринужденная.

Адам собрал ее волосы и, аккуратно накрутив их на руку, положил ей на плечо.

– Рут, оденься, пожалуйста. Ты меня расстраиваешь.

– Такое ощущение, что в последнее время тебя расстраивает вообще все, что бы я ни сделала и ни сказала, – холодно ответила она.

– Тебе не кажется, что ты перегнула палку, сбежав из ресторана?

– Я не собираюсь это обсуждать, Адам.

Он поцеловал ее в макушку, обозначив свое желание помириться.

– Хватит! – рявкнула Рут, стараясь от него отмахнуться. – Ты же меня ни во что не ставишь и презираешь, не забыл? А еще ты опоздаешь на поезд, если сейчас же не выйдешь из дома.

Вздыхнув, Адам взял портфель и вышел в коридор.

– У меня встреча, так что сегодня буду поздно, – крикнул он.

Входная дверь громко захлопнулась. В тишине, наполнившей дом, Рут не могла оторвать взгляда от своей фотографии в юности: гладкая кожа без единой морщины, густые и блестящие волосы, излучающие поистине животную силу, о которой она даже не подозревала, пока та не иссякла. Это фотография с отдыха в Бретани: Рут большую часть отпуска провела дома за чтением сценариев и разговорами с нервными сценаристами по телефону. Адам, которому пришлось в одиночку развлекать Лорен, был очень недоволен, но для Рут это был единственный способ подняться по карьерной лестнице. Вскоре родилась Алекс. Рут снова захотела детей, но этого не случилось. Она чувствовала, что ее планы срываются, и за бурной жизнью всегда скрывала досаду. Как только девочкам

исполнялось по шесть месяцев, она поручала заботу о них няням – милейшим девушкам, обожающим детей и домашних питомцев. Рут специально выбирала ласковых, полненьких и не слишком красивых. Они не были искушением для Адама, зато дочки их обожали.

Работа стала для нее усладой, буквально второй семьей – в отличие от домочадцев она требовала больше времени и сил, реже прощала ошибки, но Рут самоотверженно окунулась в нее с головой. Она была на телефоне двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, даже в обед, летала на съемки по выходным, чтобы уладить спорные ситуации, – ей все время было стыдно за свою усталость, но такова работа. В “Морраб филмз” Рут всегда старалась быть на связи, чтобы обсуждать идеи, решать спорные вопросы и улаживать конфликты. До этого она ни разу не отвлекалась так надолго. Последние четыре дня были полностью посвящены исследованию суррогатного материнства, а три новых черновых сценария, которые требуют срочного рассмотрения, так и лежат нетронутыми на столе в ее кабинете. Она обязательно за них примется, как только будет время, но сейчас не до того – нужно позаботиться о Лорен.

Взяв в руки телефон, Рут четко расставила приоритеты. Лорен ответила не сразу. В трубке послышался сонный голос, и материнское сердце сжалось.

– Ты поговорила с Дэном? Мне нужно знать, отменять запись в клинике или нет.

– Ой, мам, прости. Он поздно вернулся, и мы полночи это все обмусоливали.

– И что решили? – спросила Рут, стараясь унять дрожь в голосе.

– Он согласился, так что мы придем. Но только чтобы обсудить возможности.

Рут встала и выглянула в окно, выходящее на сад. Ей показалось, что все чувства вдруг разом обострились. Этот день она запомнит на всю жизнь: свет утреннего солнца струится сквозь панорамные окна; красные ягоды кизила блестят, будто свежая кровь; соседская трехцветная кошка притаилась на заборе, наблюдая за белками, балансирующими на яблоне, всего в одном прыжке от нее.

– Мам, ты тут?

– Да-да. Милая, я так рада, что ты смогла его убедить. Клиника на станции Юстон, сейчас отправлю адрес.

* * *

Клиника Маринелла представляла собой причудливую смесь частного медицинского учреждения и трехзвездочного отеля: на стенах висели репродукции Джека Веттриано, а многочисленные объявления предлагали отведать капучино с булочками. Но Рут заметила, что все вокруг немного потрепанное: на столиках старые помятые журналы, из-под оранжевой обивки стульев торчит черный поролон, а запах пыли и плесени едва ли замаскируешь резким цветочным ароматом. Бронзовые хризантемы на гранитном пьедестале давно увяли, и сморщенные лепестки, будто мертвые насекомые, облепили розовый камень. Клиника находилась возле Харли-стрит – на окраине, подальше от людных мест – и не бросалась в глаза. Рут ужасно расстроилась, но тут же приободрилась: зато здесь могут быть более гибкие условия, и им наверняка пойдут навстречу. В коридоре пухленькая секретарша с длинными голубыми ногтями, увидев Рут, перестала печатать и сняла наушники. Она спросила имя и номер кредитной карты – “простая формальность для проверки записи”. “Какая бездушная безвкусица”, – подумала Рут, с тоской вспомнив натянутую обходительность государственных клиник.

Лорен опоздала и заметно волновалась.

– Дэн сейчас придет, он покупает газету, – сказала она и обняла мать. Рут в голову пришла мысль о том, что теперь-то они точно заодно.

Вскоре появился Дэн: он казался необычайно сдержанным, сел отдельно от Лорен и Рут и принялся листать газету. Наконец медсестра, одетая в пестрый халат с цветочным принтом и черные легинсы, вызвала Рут, и все трое последовали за ней в безликий кабинет.

– Меня зовут Хелен Брейтуэйт, – представилась медсестра. – Зовите меня просто Хелен, мы стараемся поддерживать непринужденную атмосферу.

Рут объяснила, что они пришли на ознакомительный визит, но времени у них в обрез. Хелен кратко рассказала им об услугах, которые предлагает клиника, и

обрисовала примерный график лечения для суррогатных матерей в постменопаузе.

– Сроки разнятся, – сказала Хелен. – Как правило, у женщин старше пятидесяти лет матка сжимается, у некоторых даже до размеров грецкого ореха, и истончается. Потребуется время, чтобы привести ее в детородное состояние.

Рут глубоко вдохнула, как бы стараясь растянуть скукоженную утробу и придать ей эластичности. Дэн, сидящий рядом с ней, поерзал в кресле.

– Обычно наши пациентки в постменопаузе на протяжении месяца принимают медикаменты, после этого мы провоцируем у них прорывное кровотечение, чтобы отторгнуть затвердевший с последней менструации эндометрий. Затем проводится высокодозная заместительная гормонотерапия, чтобы матка снова расширилась, уплотнилась и налилась кровью, – объяснила медсестра и улыбнулась Рут.

– Прошу прощения, срочно звонят по работе. Скоро вернусь, – отбарабанил Дэн, вставая со своего места.

– Бедняга, – заметила Хелен, когда Дэн скрылся за дверью. – Нелегко слушать об интимных процессах в организме тещи, но я уверена, он скоро привыкнет.

Когда он вернулся, медсестра рассказывала о правовом регулировании суррогатного материнства и требованиях к клиникам. Например, медицинские учреждения обязаны предупреждать будущих родителей и суррогатных матерей обо всех возможных опасностях.

– Миссис Фернивал, риски действительно есть. – Хелен сделала паузу и приподняла брови, подчеркивая важность своих слов. – И вы должны полностью осознавать опасность деторождения в вашем возрасте.

– Я осознаю, – с нетерпением ответила Рут. – Просто скажите, что может произойти в худшем случае и какова вероятность.

Хелен вздохнула с предвкушением, как будто в кафе ей дали огромное меню, от которого глаза разбегаются, и стала перечислять:

– Преэклампсия, эклампсия, инсульт, кровотечение, – продолжала она, загибая пальцы. – Смерть, конечно же. Процент материнской смертности могут назвать врачи.

– Мам, я же говорила... – начала Лорен, схватив Рут за руку, но та отмахнулась.

Хелен продолжила перечислять всевозможные беды, с которыми могут столкнуться пожилые роженицы. Однако затем она неожиданно сменила тактику и заверила, что в “Маринелле” пациентки редко сталкиваются со всеми этими проблемами, поскольку программу лечения назначают только для женщин с пониженным уровнем риска.

– Вот видишь! – сказала Рут, повернувшись к Лорен. – Я здорова и в отличной форме, вам не о чем беспокоиться.

Хелен добавила, что перед началом лечения они втроем должны посетить специальную консультацию, на которой обсудят все проблемы и выслушают все их опасения.

– Кстати, а что насчет мистера Фернивала?

– Я замужем, если вы это имеете в виду, – невозмутимо ответила Рут.

– Тогда в первоначальном свидетельстве о рождении вы оба будете указаны как родители ребенка. Кроме того, нам потребуется согласие вашего мужа перед тем, как мы сможем перенести эмбрион в вашу матку. И также необходимо, чтобы он присутствовал на консультации.

– То есть по протоколу вашей клиники моя матка – собственность моего мужа? – возмущенно спросила Рут. – Очень странно!

Она совершенно не ожидала, что Адаму придется идти на консультацию. Ему это явно не понравится.

– Для нашей клиники это стандартная процедура, – ответила Хелен, пожимая плечами. – Нам нужно проинформировать супругов или партнеров, чтобы избежать неприятностей в дальнейшем. То есть документы будете подписывать

все вчетвером.

Она пояснила, что биологическим родителям ребенка можно подать заявление на передачу родительских прав только через шесть недель после рождения, поскольку по закону суррогатной матери дается время на восстановление и принятие окончательного решения о согласии со всеми условиями.

– Мы предупреждаем всех наших потенциальных клиентов о том, что соглашения о суррогатном материнстве не имеют исковой силы, поэтому вам стоит получить юридическую консультацию, прежде чем начать лечение.

– Видишь, а ты мне не верила! В Британии всем плевать на права родителей, – сказала Лорен Рут. – Это еще хорошо, что мы одна семья, а представь, каково другим ждать появления на свет своего малыша и все время сомневаться, отдаст ли его чужая женщина или нет.

– Если я подойду по всем параметрам, то об этом вам уж точно беспокоиться не придется. Так что будем надеяться, что все получится, – ответила Рут и спросила у Хелен, что им делать дальше.

Медсестра сказала, что им нужно попасть на прием к доктору Вассили, заведующему клиникой врачу-репродуктологу. Он осмотрит Рут и решит, допускать ли ее до дальнейших обследований. Хелен вдруг стала серьезней.

– Но, прошу вас, не торопитесь: это очень ответственное решение. Мой вам совет: обговорите это еще раз всей семьей. Если всех все устроит – будем рады снова увидеть вас в нашей клинике.

* * *

До Кингс-Кросс они решили доехать на такси. Дэн нагнулся вперед и потер лицо ладонями. Рут и Лорен смотрели на него с тревогой.

Вдруг он выпрямился и обратился к Рут:

– Спасибо вам большое, что организовали все это для нас. Мы с Лори понимаем, что шансы невелики из-за возраста и ограничений по времени, поэтому

постараемся не возлагать на вас лишних надежд. Теперь, как я понимаю, нужно как можно скорее поговорить с Адамом?

- Нет, - ответила Рут, покачав головой. - Слишком рано, у него сейчас и так полно забот. Я не хочу его беспокоить, пока еще ничего не понятно. Не волнуйтесь, если нам дадут зеленый свет, я все улажу.

- Мы согласны, да? - сказала Лорен и взяла Дэна за руку.

- То есть вы предлагаете держать это в тайне? - озадаченно спросил Дэн.

- Дорогой! - с досадой воскликнула Лорен. - Ты же знаешь отца, он потребует все обсудить на семейном совете, начнет взвешивать за и против, - сейчас у нас на это нет времени.

- Честно говоря, - пожав плечами, начал Дэн, - я бы не отказался от взвешенного обсуждения. - Он прикинул, что Адам наверняка будет на его стороне. - И вообще, мне кажется, что мое мнение никто не учитывает, - заключил Дэн и обиженно отвернулся к окну.

- Ладно, - отрезала Рут. - Значит, нужно записаться к специалисту.

Она достала телефон и напечатала:

Хелен, добрый день!

Большое спасибо за встречу. Мы хотели бы как можно скорее попасть на консультацию к доктору Вассили. Подскажите, пожалуйста, когда можно пройти дальнейшие обследования, о которых вы говорили?

С уважением,

Рут Фернивал

Ответ пришел почти моментально: специалист сможет принять их послезавтра, консультация займет один-два дня. Все скрининговые тесты можно успеть пройти за две недели – Рут будут сообщать, когда кто-то отменяет или переносит запись, и она должна будет незамедлительно приезжать в клинику.

Рут почувствовала укол беспокойства: значит, ей придется уезжать из офиса в самый неподходящий момент, когда все время надо бы посвятить поиску новых проектов. Но это важнее. Она посмотрела на Лорен и Дэна и спросила:

– В четверг в три, сможете?

– Да! – ответила Лорен и, покраснев от волнения, обратилась к Дэну:

– Тебе подходит время?

Он вздохнул и сказал:

– Дела есть, но я что-нибудь придумаю.

* * *

В поезде Рут просматривала рабочую почту, в которой за день скопилось множество писем. Среди них было одно от Беллы:

Как сходили к врачу?

Представляешь, ежемесячное совещание по поводу сценария, которое мне пришлось проводить в твое отсутствие, закончилось только сейчас!!! Там были вопросы и жалобы, на которые я не могла ответить – редакторы заявили, что сейчас им нужен руководитель, чтобы двигаться дальше. Сможем созвониться в ближайшее время? Сначала мне надо будет заглянуть в монтажную, так что вечером было бы удобнее всего. Завтра приедешь?

Б.

Рут с досадой вспомнила, что забыла перенести совещание. Белла начала раздражаться, так что, если Рут подойдет в качестве суррогатной матери, нужно будет заручиться ее поддержкой и как можно скорее.

* * *

Вернувшись домой, Лорен тут же позвонила Алекс по ватсапу. Она работала в кафе на верхнем этаже бизнес-центра, и в окне у нее за спиной виднелся мост Золотые Ворота.

Алекс очень редко теряла дар речи, но, когда Лорен рассказывала о походе в клинику, она слушала ее с открытым ртом. Наконец Алекс сказала:

– Мама настоящая героиня – решиться на беременность и роды в пятьдесят четыре!

Затем она опустила глаза и напечатала: “У нас тут много суррогатных бабушек, но в основном им около сорока. Разве в ее возрасте это не жутко опасно?”

– Оказалось, что нет, – сказала Лорен. – Менопаузу можно преодолеть с помощью лекарств, да и сам процесс для нее пройдет легче, чем прошел бы для тебя. В общем, с медицинской точки зрения это довольно просто.

– Но в остальном-то далеко не так просто! – воскликнула Алекс и приблизилась к экрану. – Согласна?

– И чем это будет отличаться от той ситуации, в которой родила бы ты?

– Все гораздо сложнее, – ответила Алекс и трижды постучала по столу, чтобы не сглазить. – Это же наша мама! Как она вообще сможет отдать своего собственного внука – то есть собственного ребенка... моего племянника, нашего брата – называй, как хочешь. Есть в этом что-то странное, и меня это очень беспокоит, – сказала она и недовольно поджала губы. – Мама лучше всех, ради нас она пойдет на что угодно, мы обе это знаем. Но каждый раз, когда она куда-нибудь встречается, все заканчивается плачевно, разве я не права?

– Права, – согласилась Лорен, – но в последнее время она такая ласковая и заботливая! Давно я ее такой не видела.

– Что-то не верится. Помнишь, как она читала наши дневники, чтобы проверить, нет ли у нас ЗППП и не употребляем ли мы наркотики? Как-то раз она вслух прочитала ту часть, где ты трогательно описывала оральный секс в машине Джоша Шелдона, а потом назвала тебя мерзкой развратницей и сказала, что ты ничего в жизни не добьешься. А мне досталось за эротические фантазии о мистере Эклсе, учителе латыни, – сказала Алекс, вспоминая об этом с улыбкой. – Я молчала, а ты орала как сумасшедшая, что она нарушает твои личные границы, и угрожала сообщить о жестоком обращении в службы защиты детей. – Алекс на мгновение замолчала и добавила: – Ты говорила, что ненавидишь ее.

Лорен вздрогнула.

– Просто она месяцами пропадала на съемках, а потом включала гиперопеку, пытаюсь выяснить, кто мы вообще и что с нами происходит. У всех моих друзей были нормальные мамы, которые пекли с ними блинчики после школы и не лезли в их жизнь. Нашей либо не было, либо было слишком много – так, что не вздохнешь без ее ведома. Вот это меня действительно бесило.

– И ты хочешь, чтобы она родила тебе ребенка?

– Да это было сто лет назад, сейчас все совсем по-другому. Как и ты, она пойдет на все ради меня.

– Как скажешь, – сухо ответила Алекс. – Только потом не жалуйся, что она вообще от тебя не отходит, если все-таки... забеременеет. – На этом слове она запнулась, до конца не уложив в голове эту мысль, и вдруг расплылась в ехидной улыбке. – А как Дэн отреагировал? Воспитывать ребенка от тещи – это же чернуха какая-то, – сказала она, изобразив гримасу отвращения.

– Ну хватит, – вздохнула Лорен. – Его немного смутила вся эта гинекологическая болтовня, но в целом идею воспринял нормально, потому что не верит, что все получится. И, скорее всего, так и есть.

– А папа?

– Ему пока не говорили. Мама сказала, что сама с ним разберется, если врачи дадут зеленый свет.

– Я бы не была так уверена, – нахмурилась Алекс. – Не забывай, ему монахи мозги промыли. У него от ЭКО глаза кровью наливаются, а тут суррогатное материнство.

– Он никогда не говорил, что против ЭКО, – удивилась Лорен.

– Сама подумай, он бы не стал тебе такое говорить. Я просто предположила: вряд ли католик когда-нибудь перестанет им быть, но кто знает, – сказала Алекс и пожала плечами. Выдержав паузу, она добавила: – И кстати, мама довольно часто пекла с нами блинчики, когда была дома. Ты просто забыла.

* * *

Тем же вечером Адам и Рут помирились. Он приехал домой с цветами и позвонил в звонок, хотя всегда берет с собой ключи. Открыв дверь, она сразу все поняла: своим смущенно-лукавым видом Адам предлагал ей забыть недавние разногласия и сказанные в пылу ссоры гадости, но в его уклончивом взгляде читалась готовность моментально отстраниться в случае ее отказа. Словом, Адам призывал к прекращению огня и рассчитывал на перемирие. Секунды ожидания тянулись вечность, но вот Рут улыбнулась, и они бросились в объятия друг друга, подрагивая от смеха и облегчения. Лилии смялись, не пережив счастливого воссоединения, но у Рут рука не поднялась их выбросить – вместо этого она затолкала цветы в большую стеклянную вазу и поставила ее на комод в коридоре в качестве трофея, напоминавшего об окончании войны.

Разбирательства, напоминавшие препарирование, начались за ужином.

– Прости, что наговорил тебе лишнего в ресторане, – извинился Адам.

– Лишнего не то слово, – серьезно и без улыбки ответила Рут, чтобы дать ему понять всю тяжесть его вины, и затем продолжила: – И ты меня прости, что огрызалась на тебя. Я поняла, почему ты хочешь устроиться судьей, и, конечно же, поддержу тебя. Когда заканчивается прием заявлений?

– Понятия не имею. Пока еще даже не объявили о вакансиях. Да и не то чтобы я принял окончательное решение – надо взвесить все плюсы и минусы.

– Так давай обсудим! Я тоже все еще хочу нормально поговорить с тобой о суррогатном материнстве, – сказала Рут и, улыбнувшись, добавила: – Надеюсь, на этот раз без швыряния стульев.

Адам потянулся к ней через стол и нежно поцеловал ее в губы.

– Договорились, только давай не сегодня – не хочу, чтобы ты уходила, как в тот вечер.

Рут решила не настаивать, чтобы не портить дружелюбную атмосферу. Таков сценарий их ссор: бурный скандал, за которым следует этап избегания и подчеркнута холодной вежливости, а затем примирение – настолько трогательное, что от прошлых обид не остается и следа. После обмена извинениями всегда восстанавливается равновесие, но, поскольку конфликт так и не обсудили, он всегда остается неразрешенным. Рут казалось, что другие пары поступают иначе. За последние годы она заметила, что каждый раз, когда Лорен и Дэн ссорятся, они обязательно обговаривают возникшую ситуацию, чтобы добраться до корня проблемы и выяснить мнение друг друга на этот счет, потом сходятся на каком-то решении и договариваются, что делать дальше. Иногда Рут над ними посмеивалась и в шутку называла их переговорщиками, но именно это кропотливое и зачастую болезненное занятие укрепляло их брак даже тогда, когда ЭКО могло его разрушить. В глубине души она им завидовала. Это по-настоящему конструктивное и взрослое решение, в то время как они с Адамом порой выглядели как дети, которые заперты в доме с привидениями и боятся их случайно призвать.

Рут вернулась в супружескую постель и их общую комнату, полную воспоминаний о совместной жизни: коллаж из фотографий и рисунков, подаренный Лорен на двадцать пятую годовщину свадьбы; гипсовая фигурка с надписью: “Лучшая мама в мире”, которую Алекс купила ей во время школьной экскурсии в парк Нью-Форест, когда ей было десять; и двое большеклювых тупиков, поселившихся у них со дня свадьбы. Эту гравюру Одюбона, висевшую над кроватью родителей Адама, подарила им его мать, отметив в поздравительной открытке, что тупики выбирают себе одного партнера на всю жизнь и никогда не расстаются. Теперь гравюра висела напротив их кровати: на ней одна из птиц стоит на краю скалы, а другая плещется в воде возле нее,

подняв вверх одну лапку. Кажется, что между ними установилась чересчур уж крепкая связь, и все же они всегда готовы взлететь.

– Только взгляни на них, – нежно сказала Рут. – Уже столько лет прошло, а они все еще вместе.

Адам кивнул.

– Когда надо мной издевались в школе, я всегда думал о них.

– Знаю, – ответила Рут, поглаживая его по голове. – Ты представлял, будто находишься внутри этой картины и смотришь оттуда на то, что с тобой происходит.

– Не ожидал, что ты помнишь, – сонно сказал он.

– Я все помню.

Рут подумала, не заняться ли им любовью – и это была скорее мысль, а не физическое влечение, – но Адам уже уснул: ему явно с трудом давались партизанские войны, и после редких, но бурных ссор он восстанавливался неделями. Она лежала рядом с мирно сопящим мужем и вдруг впервые почувствовала страх, оказавшись запертой в темной, зловонной тюрьме собственного сознания. По стенам стекает багровая кровь вперемешку с липкой слизью, а с потолка свисает гигантская металлическая табличка, на которой крупными черными буквами написано: “материнская смертность”. Глубокий замогильный голос, не переставая, повторял слова медсестры: “Преэклампсия, эклампсия, insult, кровотечение”. Дыхательные упражнения не помогли. Рут попыталась очистить разум и представить себя в тихом, спокойном месте, но мысли вновь уносили ее в окровавленную комнату, где беспомощная женщина стонет от боли, но никто не слышит ее.

Часть вторая

Благая весть

Рут ехала своим обычным утренним маршрутом – через переулки к мосту Хаммерсмит, через южный берег Темзы, затем на запад по тропе, – пока не добралась до железнодорожного моста. День был ясным и солнечным, а тропа сухой; она начала идти быстро, затем перешла в медленный, медитативный темп.

Через два часа они вернутся в клинику, на встречу с репродуктологом. “Может, зря я это затеяла?” – подумала она, взбираясь по металлическим ступеням пешеходного моста, перешагивая по две за раз – хотелось проверить свою форму. Не слишком ли самонадеянно это желание победить природу? Или это мягкий и конструктивный способ создать семью для Лорен и Дэна без малейших рисков? Чутье подсказывало ей, что второй ответ верен: она принесет биологическую пользу, делая то, что у нее хорошо получается, в качестве акта материнской помощи. К тому же это так интересно. Совместить лечение и работу будет сложно, но она непременно справится.

Она начала мысленно репетировать встречу с врачом. Похоже, обязательная консультация была потенциальным камнем преткновения: она не могла позволить, чтобы Адам был там, он мог разрушить их единство и, возможно, пустить все под откос с самого начала. Нужно было найти способ отложить его прием. Она попыталась мыслить более продуктивно: им с Лорен нужно действовать быстро, чтобы уложиться в срок – к ее пятьдесят пятому дню рождения; без Адама тут не обойтись, но он может присоединиться позже, как только все выслушает и согласится. Но необходимо было все сделать вовремя и быть убедительными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/spindler_s-yuzen/surrogatnaya-mat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)